

ГАЛИНА РОМАНОВА

СВИДАНИЕ НА НЕБЕСАХ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Свидание на небесах

«ЭКСМО»

2013

Романова Г. В.

Свидание на небесах / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2013 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-64477-3

Вера никогда бы не обратилась в брачное агентство, если бы не настойчивые уговоры подруги Евы. Искать спутника жизни в подобных конторах не только глупо, но зачастую и опасно, — так считала девушка. Подчас за фотографиями сексапильных красавчиков, вальяжно взирающих со страниц анкет для знакомств, скрываются озабоченные психи всех мастей, да и просто брачные аферисты. Но Вере, несомненно, повезло. Ее избранник был безумно красив, невероятно богат, исключительно вежлив и обходителен. Но после свидания с ним Веру больше никто не видел. Неужели она, нырнув в любовный омут с головой, уехала на край света со своим сказочным принцем и бросила все? Подобный поступок совершенно не в ее духе. Вера бесследно исчезла, и не только она одна, но и другие претендентки, клюнувшие на перспективного холостяка... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-64477-3

© Романова Г. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Свидание на небесах

Он смотрел на спящую девушку, и к горлу подступали слезы. Почему ему всегда хотелось плакать, когда они спали? Что вызвало у него такое волнение? Милая расслабленность в их лицах? Нежно рассыпавшиеся по подушке и плечам волосы? Припухший нежный рот?

Или то, что они просто молчат? Спят, мягко дышат и молчат?! И этот пухлый, едва приоткрытый рот не изрыгает мерзких слов, ругательств, не просит сигарету или бокал вина! Вот-вот! В этом, видимо, причина. В молчании. В тихом и покорном присутствии в его жизни. Они – девушки – могут быть послушными, спокойными, не визгливыми, не орущими только лишь во сне.

Они все такие. Все. И эта, которую он теперь любовно оглядывает, не исключение. Она безмятежна, пока спит. Она мила, уравновешенна, пока спит. А стоит ей пробудиться, стоит распахнуть глаза, как тут же начнется!..

Его взгляд соскользнул с нежной щеки, пополз по шее с лиловыми следами от его пальцев. Потом двинулся ниже по обнаженной груди, животу, бедрам, щиколоткам.

Со щиколотками вдруг обнаружилась проблема. В местах, где их стягивали резиновые жгуты, начало кровоточить. Руки оказались крепче. С запястьями было все в порядке. Не было крови, и почти не было видно синяков. Почему? Может, потому, что ноги она пыталась свести гораздо чаще? Всякий раз, как он принимался за нее, она дрыгала коленками, невероятно напрягала икры. Приходилось щипать ее и шлепать. Ему было неудобно!

Вообще с этой сучкой оказалось очень много проблем. Много спит, когда не спит, много визжит и плачет. Потом задыхается от соплей, забивающих ей нос во время истерики. А вчера вечером обмочилась! Гадина, мерзкая, противная гадина! Ему долго пришлось возиться, меняя белье ей, под ней. Шелковые простыни, которые были приготовлены им для самого главного, самого последнего дня, пришлось стелить уже вчера.

Может, стоило свернуть трехнедельную программу и закончить все раньше? Сегодня, к примеру, а?

Нет, рано.

Во-первых, ему бы тогда нечем было заняться. Во-вторых, следующая когда еще будет! Есть наработки, конечно, но все равно уйдет немало времени. Сторонних трогать нельзя. Он не дома! Здесь с этим строго.

Ему вдруг надоело ее рассматривать, и он с силой опустил растопыренную ладонь ей на живот. Девушка судорожно дернулась, тут же застонала и открыла припухшие глаза.

– Пить, – попросила она.

Он досадливо сморщился. Ну вот! Начинается! Рот у них открывается одновременно с глазами. Будто внутри их красивых головок все связано прочным коротким шнуром, приводимым в действие движением век.

– Пожалуйста, пить... – прохрипела девушка.

И он тут же уловил в ее хрипе близкие слезы.

– Если станешь рыдать, не получить ничего. И будешь наказана! – он многозначительно посмотрел на ее живот, где виднелся отпечаток от его растопыренной ладони.

– Не буду. Дай пить, – девушка судорожно вздохнула, отвернулась от него к окну.

– А что бы ты хотела попить? – поинтересовался он глумливо и погладил себя по ширинке домашних легких штанов.

– Дай воды, сволочь! – крикнула она окрепшим голосом. – Хотя бы сейчас – дай воды!

Он бы не стал поить ее водой, не придумай с утра на сегодня новую игру с ней. Без воды она могла загнуться раньше времени. Он дал ей воды. Много! Гораздо больше, чем она могла бы выпить за один раз. Он окунал ее красивую головенку в ведро с ледяной водой ровно столько, сколько понадобилось ей для того, чтобы начать задыхаться.

– А где спасибо? – он схватил ее за уши и приподнял голову от подушки, потряс с силой. – Где спасибо, неблагодарная дрянь?!

– Спасибо, – выдавила она через силу и снова закрыла глаза.

И сколько он потом ни шлепал ее, ни тормошил, ни порол тонкой хворостиной, оставляющей на ее белоснежной коже тонкие багровые полосочки, глаз она так и не открыла.

– Ну и черт с тобой! Валяйся тут до вечера. А я – в город, – оповестил он ее, вваливаясь в маленькую комнату позади снятого им дома на чужом побережье. – Как я выгляжу? Спишь, дрянная девка? Ну и спи голодная. Как знаешь!

Она упорно держала глаза закрытыми, но видела его прекрасно. Научилась за минувшие несколько дней наблюдать за ним сквозь полуопущенные ресницы. Ресницы были длинными и густыми, и чудовище не замечало, когда находилось под наблюдением. Это было ее преимуществом. Единственным, которым она пользовалась. Все остальное было бессмысленным. Все, включая надежды на спасение.

Она не спасется, это как дважды два. У него все отлажено. Все, включая уничтожение улики. А в его деле главная улика – это тело. Тел он не оставляет. Он психопат с солидным стажем, сам ей хвалился, показывая фото своих жертв перед тем, как подвергнуть их уничтожению. У него все продумано. Она одинока, родственников, способных хватиться ее и начать разыскивать, у нее нет.

Летели они разными рейсами. Он ее не встречал в аэропорту. Она просто села в машину, которую он для нее арендовал и оставил на стоянке. Ключи нашлись под водительским сиденьем. И поехала по адресу, который он ей продиктовал по телефону. В этот заброшенный домик на краю горного плато она приехала под покровом ночи. Машина с темными стеклами. Захотел бы кто-то увидеть ее, не рассмотрел бы. А рассматривать-то было некому. Домик на лето сдавался, соседей не было. Ближайший поселок – в десяти километрах.

Когда она вышла из машины, подошла к обрыву и глянула вниз на крохотные точки огней далеких чужих окон, ей сделалось немного жутковато. «Господи, обо мне никто ничего не знает», – мелькнула страшная мысль. Соберись он сейчас столкнуть ее с обрыва, она погибнет. И никто ничего не узнает. Соберись скормить диким кошкам, тоже никто ничего не узнает. Даже по просроченной визе ее не станут искать, въезд в эту страну был безвизовым.

Она поехала, почувствовав, как по спине под платьем скользит прохладный, неприятный ветерок. Но он тут же обнял ее, быстро сообразив, насколько ей неудобно. Прижал к себе, шепнул:

– Нам никто, никто не будет мешать находиться в раю! Посмотри, какое небо!

Небо было прекрасным. Огромный купол запросто мог быть подарком любому астроному.

– Здесь виден край Вселенной, дорогая... – шептал он, увлекая ее в дом, где уже был накрыт шикарный стол.

Они пили, ели, болтали. Потом он предложил ей принять душ. Она вошла в тесную душевую, облицованную белоснежным кафелем, разделась и... больше уже не вышла. Оттуда он вынес ее на руках. Уложил на кровать, и все! С этой кровати она не слезает уже вторую неделю. Или третью? Господи! Сколько же прошло времени?! Она не помнит! Она, наверное, сходит с ума. От боли, унижения, от осознания, каким чудовищно постыдным станет ее конец.

Эта мразь превратила ее тело в мясо! Превратила ее чистоту и гордость в пустоту и униженное смятение. Скорее бы уже все закончилось, скорее!

– Так я пошел? Ничего не хочешь мне пожелать?

Красивый, молодой, с гибкой, мускулистой фигурой, так понравившийся ей на фотографии. С невероятно милой улыбкой и добрыми карими глазами. Он любую женщину способен был свести с ума. В хорошем смысле этого слова.

Ее он теперь сводил по-настоящему.

– Ничего не пожелаешь мне, дорогая? – его голос зазвучал вдруг у самого уха, и тут же грубые пальцы потянули вверх ее веки. – Смотри на меня! Смотри! Я знаю, что ты не спишь! Смотри!!!

Она подчинилась, было больно, когда он рвал кожу ее век.

– Что ты видишь? Что?!

– Тебя, – шепнула она.

– И как я? Как?

– Красивый. Милый. Замечательный, – она выучила обязательные слова наизусть, после них он обычно отставал.

– Что мне пожелаешь?

Он начал давить ей на голые глазные яблоки, страшно резало. Хотелось плюнуть прямо в свежесбритое холеное лицо и пожелать издохнуть. Но она послушно произнесла:

– Удачи... Я желаю тебе хорошо развлечься.

– Умница, – он позволил ее глазам закрыться, но ушел не сразу. Принес ей овсяной каши и скормил тарелку. – Вот теперь спи.

Наверняка в каше было снотворное. Он всегда его подсыпал в еду, когда собирался уехать. Чтобы она не смогла привлечь ничьего внимания. Чтобы не орала. Конечно, тут никто никогда не пробежал, а вдруг?

Дверь хлопнула. Потом взревел мотор той самой машины, на которой она сюда пришла. И на нее минут через пять начали наплывать волны тяжелого, болезненного сна.

Последняя мысль, с которой она обычно проваливалась в черную бездну, всегда была одна. Она была мучительна и постыдна и сильно терзала душу. Даже больше, чем это чудовище.

Она выбрала его сама! Ее палец ткнул в фотографию, и язык повернулся, чтобы сказать той женщине:

– Я хочу его!..

Глава 1

Фасад старинного двухэтажного дома из серого кирпича украшали две вывески. Первая, слева от выщербленных ступеней, почти вровень с козырьком над дверью, безо всякого золота, синим по белому скромно заявляла о юридической конторе. Чуть ниже и чуть мельче шел перечень всяческих услуг. Тут были всякие: от нотариальных до адвокатских, и часы работы. Еще ниже чьей-то неуверенной рукой была сделана приписка: козлы и жулики. Дверь юридической конторы почти всегда была чуть приоткрыта и при сильном ветре препротивно поскрипывала. Этот скрип она выучила почти наизусть. Он ей даже пару ночей назад приснился. Хотя ее вовсе не интересовала ни эта контора, ни приглашающе приоткрытая дверь.

Объект ее интереса располагался чуть дальше. В трех метрах от выщербленных ступенек. Там тоже были ступени, но обновленные красивой плиткой. Тоже была дверь, но дорогая и плотно прикрытая. И тоже была вывеска почти вровень с красивым козырьком. Над дверью. Поле вывески было золотым, и по нему красивой вязью шла темно-бордовая надпись:

«Служба знакомств», и дальше – совсем банально: «Брачное агентство «Встреча».

Потом шли часы приема, и становилось понятно, что работа ведется почти круглосуточно. И если вас не готовы или не могут принять за добротной дверью, то по телефону непременно ответят. И уж на сайте-то их «Встречи» вам точно будут рады!

«Ждем вас! Мы вам всегда рады! Вы будете счастливы! Вы не будете одиноки!»

На таком вот позитивном подъеме заканчивалась темно-бордовая вязь по золотому. И прямо вот хотелось верить, что все именно так и есть: и рады, и ждут. И что все так и будет – и счастливы, и не одиноки. Причем все!

Вера поежилась, оглядела пустынную улицу. Заходить было боязно. Продолжать стоять ровно посередине между двух контор становилось и холодно, и неприлично. Она и так уже давно сюда ходит. На нее из юридической конторы уже кто-то таращится в окно. Поэтому она стала приходить позже. Но все равно таращатся. Может, ей кажется? Может, она заболевает какой-то страшной болезнью, которая начинается с разных странностей, а заканчивается психушкой, а?

Вера шагнула в сторону службы знакомств и снова остановилась.

Так, надо еще раз повторить про себя все, что она будет говорить.

Одинока. В разводе. Или наоборот? Сначала в разводе, а потом одинока? Какая разница!

Итак, сначала...

Она разведена. Давно? Для кого как! Ей весь прошлый год показался вечностью. Ее подруге Еве – кратким мигом. Та вообще живет незатейливо, наспех, наскоком. Понятие комфорта ей непонятно. Он для нее там, где можно принять душ, перекусить и выспаться. Она все время куда-то опаздывает. На какие-то встречи, презентации, званые вечера. Ей все время нужно чего-то добиваться, наслаждаться какими-то достижениями. Иначе жизнь для нее лишена всякого смысла.

– Если я остановлюсь, я умру! – утверждает Ева, почти на ходу проваливаясь в сон в ее доме, когда выдается случай туда попасть. – Стану я тратить время на какие-то идиотические условности типа семейного очага, интерьера, налаженного быта! Фу-фу-фу! Это такая скука, Вера! Если бы не наследство, у меня точно и дома-то не было бы. А муж? Это вообще что такое???

– Это человек, который тебя любит, которого любишь ты, – тихо отвечала Вера, слабо веря уже в собственное утверждение.

– С ума сошла!!! – у Евы даже глаза переставали слипаться в такие моменты. – Вторую и третью буквы я расшифровываю как «ужасно жалкий». Первую можешь додумать сама.

Какое слово на букву «м» могла придумать Ева, Вера догадывалась. Ева не очень высокого мнения была о мужчинах. Может, потому, что они ее очень ценили? Вокруг нее всегда околачивалась свора поклонников. Она могла ткнуть пальцем в того, кто угоден ей был именно на данный час и день, и тот послушно следовал за ней. И...

Так, она опять отвлеклась! Так ведь и не дойдет никогда до крыльца с отреставрированными ступеньками!

Итак, она в разводе уже год. Живет одна. В квартире на набережной. Большая квартира? Тоже вопрос относительный. Еве, к примеру, в ее трех комнатах тесно. Для нее самой их слишком много. Уже вот как год.

Работает? Нет. Почему? Так сложилось. Средства есть? Да, есть. Откуда?

Тут у Веры всегда начинали дрожать губы, и заволакивало слезой глаза. Признаваться в том, что живет сейчас на проценты от денег, которые выплатил ей муж в качестве отступных, было отвратительно. Это было правдой, и это было отвратительно.

– Ты возьмешь эти деньги, Вера! – настаивал он, нарезая круги вокруг стула, на котором она сидела в центре гостиной. – Тебе просто-напросто надо на что-то жить, пить, есть, платить за квартиру. Тех денег, которые я тебе оставляю, хватит... Даже и не денег, а процентов с них. Проценты ежемесячно станут приходить на твою банковскую карточку. Ты можешь снимать их полностью, можешь снимать сумму, которая тебе конкретно нужна. Одним словом, на проценты ты сможешь вполне прилично жить.

– Мне ничего не надо, – возражала она слабым голосом, уже зная, что будет так, как он сказал. Так всегда бывало.

– Не тебе решать! Я сказал, и так будет.

И так и стало. Она в самом деле жила на те деньги, что капали на банковскую карту. Не так чтобы с шиком жить, но хватало, иногда даже оставалось.

– Почему тебе не распотрошить этот солидный счетик, а, мышка моя? – частенько приставала к ней Ева. – Там приличные бабки, судя по процентам. Дай взглянуть.

Вера показала. Счет оказался не один. Ева долго недоуменно моргала, рассматривая ее, как ископаемое. Потом красивое, породистое лицо ее сморщилось от жалости.

– Убогая ты все же, Веруня. Какая же ты убогая!

– Почему?

– Да потому, что на эти деньги ты могла бы купить себе домик где-нибудь на теплом берегу. Открыть небольшое дело. Если не так, то хотя бы поколесила по миру. Повидала его! Полностью могла бы поменять свою сизую жизнь, голуба моя! Полностью!!! И у тебя бы еще и осталось!!! А вместо этого ты влачишь пусть и не жалкое, но существование в этой тихой берлоге, – в этом месте Ева непременно пинала какой-нибудь предмет ее дорогой мебели. – Никуда не ходишь, ни с кем не встречаешься. Не наряжаешься, как надо!

– С кем, господи?! – она боязливо ежилась. – С кем мне надо встречаться?!

– С мужчинами!

– Очумела??? – ужасалась Вера.

– Тогда с женщинами! – Ева надрывалась смехом. – Но ты же не лесбиянка, даже не «би», тогда ищи себе мужика и живи уже, живи, Веруня! Ярko, остро, сочно!!! Дыши полной грудью!!!

Она так не могла. Она могла жить тихо, размеренно, созерцательно.

– От дыхания такого может случиться колющее в бок, – ворчала она на подругу. – И от яркой жизни можно ослепнуть. А для острого общения мне вполне хватает тебя, подруга. За глаза хватает.

Еве это льстило. Она засыпала, убаюканная Вериней заботой, а утром летела снова сломя голову куда-то. И так куда-то и улетела. Полгода уже не является в страну. Звонила часто, часами торчала в скайпе, уже трижды поменяла цвет волос и прическу. Какой-то мужчина

постоянно маячил за ее спиной. Вера несколько раз видела его подтянутый голый живот, выглядывающий из-за Евиного плеча. На вопрос о том, кто это, Ева жеманилась, хихикала, но так ничего и не ответила. А потом однажды...

С этого вот «однажды», собственно, и началась ее маета под дверью службы знакомств.

Однажды Ева пропала. Просто перестала быть доступной по мобильнику. Не выходила в Интернет. Не отвечала даже на бумажные письма, отправляемые ей Верой по адресу, который Ева ей сама сообщила. Тогда она осмелела, нашла в международном электронном справочнике номер полицейского участка этого городка и позвонила туда. На хорошем английском она спросила дежурного, не могли бы они выяснить судьбу ее подруги, в последние месяцы проживающей там-то и там-то. Ее внимательно выслушали, потом попросили прислать запрос в официальном порядке. И когда она все это ценой невероятных усилий совершила – спасибо бывшему сокурснику – помог, выяснилось, что Евы по нужному адресу нет. Что дом был не так давно обстрелян неизвестными. В доме были найдены трупы троих взрослых. Один труп из трех женский. Но нет, нет, это не Ева – поскольку женщина, погибшая под автоматным огнем, была пожилой и толстой.

Ей потом еще много вопросов задавали про Еву. Она послушно отвечала. Потом звонки прекратились. И вдруг месяц назад Ева объявилась – позвонила с другого конца света. Снова счастливая, веселая, беззаботная.

– Обстреляли, говоришь?! Ни фиги себе! – орала она Вере в ухо. – А ты молодец, голуба моя! Даже не ожидала от тебя такой прыти! Позвонила, справки навела. Надо же... Но больше не делай так никогда, ага?

– Ага! – Вера ничего не понимала и решила уточнить. – А почему?

– Мало ли! Вдруг я там была бы замешана? И ты меня просто, получается, копам сдала, и все!

– А ты... Ты могла быть замешана?

– В чем?

– Ну... В чем-то нехорошем, Ева?

– Нет, дурочка, не дрейфь! – и Ева снова беззаботно рассмеялась. – Чтобы успокоить тебя окончательно, скажу, что та квартира сдавалась постоянно. После нас хозяин сдал ее каким-то наркокурьерам.

– О господи!

– Вот так. А мы тут ни при чем. Мы съехали за пару недель до той перестрелки.

– Так ты знала?!

– Ну да, газеты читаю. И знакомых в полиции у меня не так уж мало. К слову, мой бойфренд бывший коп. Хотя мы расстались. Но он меня таким штучкам обучил! Хоть агентство открывай.

– Какое? – У Веры в тот момент вдруг дико разболелась голова, захотелось прилечь, подремать в тишине.

– Детективное, какое же еще! – фыркнула Ева с другого конца планеты. – Такие дела, подруга!

– Понятно...

Вера замялась, не зная, как свернуть разговор, от которого устала. И чувствовала себя полной дурой. Искала того, кто никогда и никуда не пропадал. Сколько сил и нервов потратила. Сашка теперь напрашивается на ужин в отместку за услугу, которую ей оказал, а ей не хочется. И в итоге ей еще и порицание вынесли!

– Ой, я чего звоню-то, Вера! – Ева беззаботно хохотнула. – Я тут твоего бывшего видела.

– Где?!

Внутри сразу стало пусто и больно одновременно, хотя, казалось бы, так не бывает. Бывает либо пусто, либо больно. У нее вот совместилось. Так же, как ухитрилась жить в душе

любовь-ненависть к бывшему супругу. Она будто бы по нему и тосковала, и ощущала ночами его дыхание рядом с собой, чувствовала его присутствие где-то в комнатах. И в то же время ничего этого не хотела: ни тосковать, ни ощущать, ни чувствовать. Она же знала, что не простит его никогда. Не простит не того, что он ее бросил. А того, что разлюбил. Увлёкся другой, более удачливой, более молодой, более светлой и позитивной.

– Я встретила его на одной вечеринке по случаю инаугурации тамошнего губернатора. Народу было полно, и я его не сразу узнала. То есть, я хочу сказать, я его в упор не видела и не замечала, пока нас не взяли познать, – частила Ева, проглатывая окончания.

– И кто же вас взялся познакомиться?

Вера старалась дышать ровно, думать спокойно, но все сбивалось в противный ком – и дыхание, и мысли.

– Его супруга! Я ведь ее, оказывается, знаю, – закончила Ева с кислинкой. – И не молодая она вовсе, как ты говорила. Она вообще старше тебя на шесть лет.

– Да ладно! – дыхание вдруг выровнялось. Перед глазами прояснилось. – Красивая?

– Ты знаешь... Таких красоток салоны за день с десятков выплевывают. Любую уродину преобразят. Короче... – оборвала себя Ева. – Мы с ней и в России не раз на малой родине пересекались. И я бы никогда не подумала... Все как-то странно... Так вот, мы с ней болтаем, болтаем. Она мне рассказывает, что вышла год назад замуж. Нашла себе мужика шикарного через службу знакомств.

– Что???

– Вот именно! – тут же подхватила Ева, поняв ее. – Эта сволочь разлюбезная отослал портфолио на их сайт, еще когда жил с тобой!

– И правда сволочь, – упавшим голосом подтвердила Вера.

Ей всегда казалось, что новое чувство ее ненаглядного Семена застигло врасплох. Он и не хотел, да так вышло. Он и сопротивлялся, да не устоял. Но чтобы посылать портфолио в службу знакомств!!! Это же...

Это же подлю! Готовил себе запасной аэродром, проживая с ней? Мечтал о чем-то невероятном, укладываясь с ней спать? Строил планы, расчерчивал на эпизоды грядущее десятилетие, отправляясь с ней за город с корзинами, полными еды?!

– Боже, какая гадость! – выпалила Вера и брезгливо передернулась.

– Гадость! – Ева наверняка кивнула, она обожала мотать головой по каждому согласию и нет. – Так вот, я закончу?

– Валяй.

Вера отошла от окна, в которое бездумно таращилась последние десять минут. Забралась с ногами на диван, прижала трубку щекой, неосмотрительно покосилась на их общий с Семеном портрет, с которым так и не смогла расстаться. И снова повторила, не удержавшись:

– Какая гадость!

– Я закончу! – предупредительно повысила голос Ева. – Эта выбеленная до соломенного цвета матрона хвалится мне, значит, хвалится. Говорит, что в этой службе знакомств варианты все беспримысленные. Там тщательнейший отбор претендентов. Даже по группе крови спаривают, не говоря уж о гороскопах и привычках, прикинь! – Ева азартно хихикнула. – Но денег, матрона сказала, стоит немалых. Причем с дам берут много больше, чем с мужиков. Даже здесь дискриминация, прикинь! Мне, говорит, мол, возлюбленный обошелся в такую круглую сумму...

– Сколько?

– Не сказала, Вер. Но потом с придыханием начала хвастать, что ни разу не пожалела о затратах. Что все просто супер! Ну, и в том же ключе еще минут десять хвалилась. Потом, опп-па, говорит, а вот и он. И тащит меня к мужику, он спиной стоял. Щебетнула что-то там пуси-муси, он поворачивается... Короче, я чуть в обморок не упала, Вер!

– Так изменился?

Вера настырно продолжала смотреть на их большой портрет, где Семен, глядя в объектив, прижимался губами к ее виску. Он казался таким счастливым, таким влюбленным, таким искренним. А он...

А он в службу знакомств обратился! Подонок! Никогда и ни за что не простит его! Никогда!!!

– Нет, он все тот же – пижонистый, симпатичный, нарядный, ухоженный, – нехотя призналась Ева. – Ты же знаешь, он себя как любит!

– Себя – да.

– Я в обморок чуть не упала оттого, что это он!!!

– А он? Он-то как?

– Побледнел, конечно. Но вида не подал. Поддержал вежливую беседу. Познакомился со мной для вида, а потом поймал в темном углу и прошипел, если я Владке стану мозги насчет него промывать, он меня невыездной из страны сделает.

– Из какой страны, Ева?! – Вера отвернулась от стены, с которой на нее смотрел любящий когда-то муж.

– Из нашей с тобой, совсем, что ли, там от безделья отупела! – прикрикнула на нее подруга. – Короче, он в нее вцепился, она в него. У каждого свой интерес. У него скорее всего – деньги, влияние. У нее – чисто физиологический. Короче...

– Прекрати, Ева! – разозлилась Вера. – Что заладила – короче, короче! Резюмируй уже! Ты же за этим мне звонишь!

– Тебе его не вернуть, – буркнула недовольно Ева после паузы.

– А я собиралась?

– Конечно! Вся твоя говорильня насчет не прощу, ни в жисть, да никогда – все это ерунда. Ты его по-прежнему любишь, вот.

– Дальше что?

– Дальше? Тебе его не вернуть, сидя на диване, – Ева хмыкнула. – Небось снова сидишь, пяточки под попойкой?

– Сижу.

– Вот и сиди! Что-нибудь высидишь! Дура несчастная! – и Ева неожиданно всхлипнула. – Она сидит, а он по заграницам катается!

– Ты тоже катаешься, – неуверенно огрызнулась Вера и упала боком на диван, поджимая коленки к груди.

Снова становилось худо. Как в те дни, когда он ушел. Только тогда у нее даже немного преимущество было: она не знала точно: с кем, где, почему, надолго ли.

Теперь знала.

Тогда она надеялась, что он раскаялся, что он несчастен, ну хоть немного.

Теперь знала, что Семен не раскаялся, вполне счастлив и даже счастьем своим дорожит настолько, что опускается до угроз в адрес Евы. А он ведь очень хорошо к ней относился. Очень! Так ей казалось...

– Вера... – вдруг торжественным голосом вступила Ева. – Вера, тебе надо что-то поменять.

– Что? Голову?

– Нет, как раз с головой у тебя все в порядке. Даже слишком. В отличие от меня, – Ева покаянно вздохнула. – Тебе надо поменять свою жизнь, если ты хочешь еще его вернуть.

– Даже если бы я этого и хотела, у меня нет шансов, милая.

Вера заплакала, осознав это вот как-то вдруг и сразу – просто нет никаких шансов.

– Мне никогда его не догнать. Никогда! Где он, а где я!

– Ты всегда можешь стать ровней ему.

К торжественности в голосе Евы добавились скользкие интригующие нотки, которых Вера всегда опасалась. Она знала лучше всех прочих – Ева может втянуть ее в такую авантюру, из которой ей до конца дней своих не выбраться.

– Каким образом? – все же решилась на вопрос она.

– Пойди тоже в это агентство.

– Какое? Брачное?! Ты рехнулась?!

– Нет. Я вполне серьезно. Я тут навела справки: контора солидная, услуги предоставляют не каждому.

– Я поняла, только тем, у кого есть деньги. Дальше что?

– Дальше... Эта контора занимается сватовством всякой знати, если можно так выразиться. И мужики там вполне солидные.

– Одного я даже знаю! – выпалила с горечью Вера.

– Ладно тебе, прицепилась! Говорю, что знаю! Там все сплошь бизнесмены, адвокаты, даже есть политики!

– Но там ведь и женщины такого же пошиба, Ева! Я-то кто?!

– Ты? – Ева замялась, потом несколько раз вздохнула, чертыхнулась, но все же не сдавалась. – Ты у нас одинокая, обеспеченная, безработная. Приличный вполне набор достоинств для, скажем, какого-нибудь адвоката. Они ведь тоже не дураки! Им голожопые девки со сцены только для выхода в клуб нужны. Для жизни они ищут других.

– Каких?!

– Таких как ты, Веруня! Таких милых, спокойных, уравновешенных. Короче... Черт! Ладно, короче, думай давай. Через месяц созвонимся. Я там дерну кое за какие веревочки. Короче, Владу попрошу, а для кого стараюсь, не скажу. Тебя примут. Ты платишь денежку, получаешь перспективное знакомство. Все!!! Уф! – с шумом выдохнула Ева. И тут же спохватилась: – Иначе тебе его никогда не догнать, Вера! Никогда не приблизиться! И уж точно никогда не вернуть! А так, представляешь: ты идешь – такая вся из себя, и он навстречу. Опешил, конечно, потому что ты не одна, а под руку...

– Все, хватит!

Тогда Вера бросила трубку. А через пару дней пошла на улицу, где в офисе, под вывеской – бордо с золотом – соединяли в пары состоятельных, одиноких, ленившихся самостоятельно заниматься поиском второй половины. Простояла под окнами, побродила по тротуару туда-сюда мимо двух вывесок, но так и не вошла внутрь.

Завтра, решила она тогда. Завтра она зайдет, посмотрит, что там и как. Может, даже и разговор какой-нибудь заведет.

Не зашла. Ни завтра, ни послезавтра, ни в ближайшие две недели. Духу не хватило соперничать с невероятно красивыми и нарядными дамами, посещающими это агентство. Духу не хватило предлагать себя невероятно мужественным, породистым красавцам, заезжающим туда без конца.

Потом снова позвонила Ева. Отбарабанила точную дату и время, когда ее ждут во «Встрече». Взяла слово, что Вера не струсит, не повернет назад, что принарядится. Обещала позвонить к концу месяца.

И вот Вера тут.

В новом кашемировом пальто кофейного цвета. Новых высоченных сапогах на острых тонких каблуках, с новой прической, которую по схеме из дамского журнала тренировалась делать целых десять дней. Платье надела из шкафа. Что, в самом деле, как покойница, во всем новом? Да и платье ей это очень нравилось. И Семену тоже очень нравилось. Вишневого цвета, узкое, чуть выше колен, с открытыми лопатками и крохотным воротничком-стойкой.

Выглядела она потрясающе. Даже скромничать было нечего – потрясающе. Она вообще-то была прехорошенькой, если кому-то нравились белокожие русоволосые стройные женщины

среднего роста с длинной до поясницы косой, округлыми коленями, изящной стопой и хорошими манерами. В ней не было агрессии, не было страсти, не было ни капли желчи. Она была мила, спокойна, порой даже отрешенна.

Но это теперь ведь не в моде, так? У мужчин, маетно болтающихся по жизни от дамы к даме, у них-то спрос на другой товар, так? На загорелых, голопупых, дерзких, алчных до удовольствий, импульсивных.

Вдруг ей не найдется пары в этой самой «Встрече»? Вдруг не хватит сэкономленных процентных денег? Что тогда? Потрошить счет? Понравится ли это Семену?

Хотя о каком Семене речь? Она его даже и спрашивать не станет. Лишь бы нашелся на нее покупатель. Или купец, так ведь раньше говорили при сватовстве?

В окне адвокатской конторы наметилось какое-то шевеление. Точно за ней наблюдали, не зря ей чудилось. Потом открылась форточка, появилось мужское лицо – невыразительное, сумрачное. И ее строго, громко окликнули:

– Дамочка! Вы чего здесь целый месяц отираетесь? Мне что, полицию вызывать?

– Зачем? – изумилась она тоже громко. – Почему?

– А вдруг вы – наводчица?! – голос невыразительного мужчины сделался еще строже. – Вынюхиваете тут все. Меняете одежду. Маскируетесь, что ли? Или мужа своего тут караулите?

– Нет. – Она мотнула головой, и тут же почувствовала, как самый главный в прическе локон пополз вниз под воротник пальто. Плакала ее прическа. – Не караулю. И не наводчица я никакая.

– Тогда что? – мужчина высунул в форточку руку, постучал пальцами второй руки по циферблату часов. – Вы тут уже час! Темнеет!

– Темнеет, – согласилась она и сделала еще шаг в сторону агентства. – Я уйду.

– Сумасшедшая!

Это настигло ее в тот самый момент, как она ступила на первую ступень «Встречи». Она вздохнула, обернулась. Форточка закрылась. Вот и ладно. Она и не обиделась. Чего обижаться, если в самом деле ведет себя неправильно? Давно пора было зайти. Давно. Ева велела еще три дня назад. А она все тянула. И Вера пошла быстрее из боязни, что мужчина может выскочить из вечно скрипевшей двери с каким-нибудь веником и погнать ее прочь с улицы.

Она вошла внутрь.

Прохладный просторный холл, выстланный сверкающей начищенной плиткой, был пуст. Не было вешалки. Не было мебели. Зеркальные стены, сверкающий пол, хрустальная люстра. Напротив входа – еще одна дверь. Вера вошла в нее. Узкий коридор, такой же сверкающий и пустой. Еще две двери. Но уже с табличками. На одной, тоже бордовой с золотом, краткая надпись: касса. На второй – Кристина Леопольдовна. Ни фамилии, ни должности. Хотя, какие могут быть должности у свахи? Сваха, она сваха и есть.

Кристина Леопольдовна, стало быть. Ну ну...

Вера потянула на себя дверь. Та подалась без шума и скрипа. Внутри просторного кабинета царил полумрак. Тяжелые, бархатные, снова почему-то бордовые, портьеры. Массивная мебель, много книг. Крохотный диванчик с резными подлокотниками и дюжиной опять же бордовых подушек. Два кресла с высокими спинками. В одном из них вполоборота к входной двери сидела грузная женщина в облаке бордового шелка. Тяжелый кокон иссиня-черных волос напоминал скорее головной убор, нежели прическу. Женщина говорила с кем-то по телефону.

– Я не знаю, что мне делать??? – вопрошала она тихо, но без горечи. – Это полный крах!!!

Потом тишина и снова:

– Я не знаю, как поступить??? У меня нет! Точно нет!!! И даже если покопаться, нет!!!

Но...

Пауза затянулась. И вдруг женщина выдохнула с ужасом:

– Но это верная смерть!!! Понимаю... Но... Да, да, конечно! Хорошо. Буду искать...

Она отключила телефон, осторожно положила его на край массивного стола. И только тогда повернулась к двери.

– Кто вы, милая? – мягким, совершенно не похожим на прежний, голосом спросила Кристина Леопольдовна. – Давно стоите тут?

– Нет, нет. Только что открыла дверь. Здравствуйте.

Вере было стыдно признаваться, что она все слышала. И понять ничего не поняла, но будто шпионила.

– Добрый вечер. Входите, милая, присаживайтесь.

Вера послушно скользнула внутрь, на ходу расстегивая пальто. В кабинете Кристины Леопольдовны было очень тепло.

– Пальто можете повесить на вешалку, – толстый подбородок повернулся в угол, где стояла рогатая кованая вешалка. – Присаживайтесь – поговорим.

Вера сняла и повесила пальто. Одернула платье. Надо выглядеть пристойно, если надеешься на хорошую партию. Она надеялась. И дело было не в Семене уже. Ей и самой вдруг захотелось поменять свою жизнь. Она должна, и она может. Ничем она не хуже этой, как ее там – Влады?

Она присела на краешек кресла напротив Кристины Леопольдовны. Уставилась в темные глаза, смотревшие на нее с интересом и усталостью.

– Как вас зовут, милая? – Кристина Леопольдовна улыбнулась приветливо, открыто. – Красавица... ну просто красавица!

– Вера. Меня зовут Вера.

– Прекрасное имя! – хозяйка кабинета протянула к ней руку, тронула выскочивший локон, нежно погладила Веру по плечу. – Прекрасная женщина. Вы одиноки?

– Да...

– Хотите поменять свою жизнь? Найти спутника? – не спрашивала, скорее перечисляла Кристина Леопольдовна, вновь пройдясь по ней цепким изучающим взглядом. – Есть какие-нибудь особые пожелания, кроме тех, чтобы не пил, не гулял, был обеспечен и красив?

– Я... – Ей все хотелось сказать, что Ева должна была звонить насчет нее, но смысла пока вроде не было. – Я не знаю, что сказать.

– Говорите как есть, – подбодрила ее профессиональная сваха.

– У меня уже был не пьющий, обеспеченный, красивый... Думала, что не гуляющий. А потом он...

– Ушел к другой, – закончила за нее Кристина Леопольдовна с мягким кивком. – Так бывает. Это жизнь. С некоторых пор неверность вошла в обыденность. Люди встречаются, люди влюбляются, женятся. Потом расстаются. Так бывает... Какой мужчина вам нужен, Вера? Давайте начнем с внешних требований, идет?

– Идет, – согласилась она и тут же поняла, что не знает, какой ей нужен. – Только я не знаю.

– А мы вам поможем, Вера! У меня есть фотографии мужчин, взгляните. Может, кто-то и приглянется. А потом уже обсудим набор их достоинств. Хорошо?

– Хорошо. – Вера обрадовалась – смотреть и выбирать все же лучше, чем придумывать.

– Но для начала расскажите о себе немного. Чем занимаетесь? На что существуете? У нас услуги, сами понимаете... – Кристина Леопольдовна выразительно потерла большим указательный палец.

– Все знаю, деньги есть, – и она полезла в сумку.

– Да погодите вы! – хозяйка невольно рассмеялась. – Сегодня у нас с вами предварительное знакомство. Вы должны отдать мне сегодня только ваши фотографии. Принесли? –

Вера кивнула. – Хорошо. И ни к чему не обязывающая беседа. Фото мужчин посмотрим тоже совершенно бесплатно. Но вот завтра...

– А завтра тоже приходите? – изумилась Вера.

– Конечно. Вы теперь ко мне будете сюда ходить, как на работу. Пока не заработаете свое счастье. Каждый визит платный. И визитов этих будет ровно столько, сколько вы захотите. Никакого принуждения. Начнем?

– Хорошо... – Вера выпрямила спину, положила сумочку на колени, начала рассказывать. – Мне тридцать лет. Я разведена. Живу одна в трехкомнатной квартире на набережной. Кристина Леопольдовна пока что одобрительно кивала.

– У меня два высших образования. Юридическое и факультет иностранных языков.

– Какими языками владеете? – оживилась собеседница сразу.

– Английским – в совершенстве. Испанским чуть хуже, но если будет практика...

– Замечательно! – темные глаза свахи алчно заблестели. – Испанский... Гм-м... Работаете?

– Нет.

Вере было стыдно, но работать учителем в школе ей не хотелось. А против переводчицы Семен был настроен категорически.

– На что живете? – Хозяйка пробежалась оценивающим взглядом по ее недешевому туалету. И добавила: – Так неплохо?

– Бывший муж оставил мне средства, – она плохо представляла – много это или мало по современным меркам, но вспомнила округлившиеся Евины глаза и добавила тоже: – Неплохие средства.

– Так... Замечательно... И вы можете ими распоряжаться самостоятельно?

– Разумеется. Счета открыты на мое имя.

На самом деле, счет на ее имя был всего один. Два других, чуть помельче, были на предъявителя. Ева посоветовала с видного места сберкнижки убрать.

– Не ровен час, ограбят!

– Кто?!

– Да хоть твой же благоверный! Мало ли как у него все сложится без тебя!

Это Ева так говорила, когда еще не встретилась с ним на вечеринке у тамошнего губернатора. Но Вера все равно сберкнижки прибрала. И раз в неделю проверяла их сохранность.

– Так, хорошо, – пухлые ладони в удивительных перстнях легли на толстые коленки Кристины Леопольдовны. – Мне все понятно. Вы наш клиент. Понимаете, может, это вас покоробит. Но материальная стабильность претендентов – одно из главных требований у нас.

– Я понимаю.

Если честно, ей не терпелось взглянуть на фотографии. Вдруг появился какой-то странный азарт. Оживление в душе. Этого так давно с ней не случалось! И так приятно будоражило.

– Ну что же, посмотрим наших женихов?

Кристина Леопольдовна игриво подмигнула, выкарабкалась из кресла, тяжело шагнула к шкафу, достала средних размеров кожаный альбом. Положила его Вере на колени и тут же отошла в сторону.

Вера открыла первую страницу...

Их было очень много. Человек, наверное, тридцать. На каждой странице две фотографии. Одна в полный рост, вторая – крупным планом лицо. Были всякие: молодые и не очень. Лысые, пузатые, стройные, высокие, низкорослые. В глазах рябило от обилия лиц.

– Вот это кто? – ткнула пальцем через полчаса Вера в портрет высокого кареглазого брюнета.

– Это у нас... – Кристина Леопольдовна стрельнула в ее сторону игривым взглядом. – А у вас замечательный вкус, Верочка. Это один из самых завидных наших женихов. Он... Он обойдется вам в кругленькую сумму, дорогая.

– А у вас на каждого претендента свой тариф?! – она опешила.

– А как же! Дополнительный бонус за спрос! Это рынок, милая! А вас что-то смущает?

Ее, если честно, смущало все! Ева шла бы к черту со своей затеей! Женихов и невест продают здесь по сортности и категоричности, как колбасу! Чем больше спрос, тем дороже кандидат обходится тому, кто его выберет, тому, кого он выберет! Чудовищно!

Но отступать уже было как-то некрасиво. Кристина Леопольдовна приняла ее. Согласилась провести бесплатную консультацию, если это можно так назвать. И что она теперь – откажется? Некрасиво.

И ведь схема-то работает! Сколько счастливых пар вышли из стен этого заведения! Одну из них она точно знает, хотя и знакома с ее половиной. Неважно, каким путем они шли до того, главное, каким вышли. А выходило все у всех просто замечательно. Отбор был тщательнейшим. Осечек не случалось.

– Нет, нет, все нормально, – Вера виновато улыбнулась. – Просто это для меня как-то ново.

– Коробит?

– Немного.

– Это не плохо и не хорошо, это нормально, – кивнула Кристина Леопольдовна, глаза ее сделались непроницаемыми, улыбка натянутой. – Так что, останавливаем ваш выбор на этом мужчине?

– Да, наверное. А кто он?

И вот тут сваха рассмеялась и посмотрела на нее, как на дуру. И Вере снова сделалось неуютно. Зачем она пришла?

– Милая, милая Вера! Если бы я сейчас же выложила вам все свои секреты, то... То смысла в моем присутствии тут просто не было бы, согласитесь!

Она кивнула, но не согласилась.

– Вы бы стали искать этого человека, звонить ему, напрашиваться на встречу. Вы обошли бы все милые условности, которые... Которые стоят денег, прежде всего. И которые и помогают создавать крепкие союзы. Вам понятно?

– Да.

– Этого выбираем? – пухлый палец уперся брюнету прямо в лоб.

– Да, – ответила Вера после минутного колебания.

– Хорошо. Посмотрим, что из этого может получиться... – Кристина Леопольдовна подышала в сложенные домиком ладони. – Ваши фото?

Вера послушно выложила из сумочки конверт с фотографиями на стол. Сваха бегло просмотрела их – одобрительно заулыбалась.

– Ваши контакты? Вообще-то анкету мы с вами должны будем заполнить завтра. Но так, на всякий случай.

Вера продиктовала адрес и номера телефонов: домашний, мобильный.

– Все. Жду вас завтра с вступительным взносом до полудня. Да... К слову... Если вдруг меня не будет – это случается крайне редко, но случается, – встретитесь с моей ассистенткой. Она же выполняет и функции кассира. Вас это не смущает?

– Нет, нет...

Ее смущало все! И анкета эта еще. Бегло полистав ее, состоящую из десяти (!) листов, она обнаружила там вопросы такие глубоко интимные, что не хотела, да покраснела. А ведь на них еще придется ответить! И правдиво ответить, иначе смысла в затее не было вовсе. Это Кристина Леопольдовна, заметив ее смущенный румянец, пояснила уже вдогонку.

– К слову, ваши родственники... – хозяйка замялась, провожая ее в холл. – Никто не будет против вашей затеи? Мать, отец, сестра? А то случаются истерики со стороны неподготовленной родни. Судами грозят, не поверите! И, хотя наш контракт составлен так грамотно, что ответственности за их гнев мы не несем вовсе, скандалов мы стараемся избегать.

– Нет, не будут. У меня никого нет.

– Ага. Понятно. Сирота?

– Практически. Отец жив, но... Но я с ним не общаюсь. Он живет очень далеко, даже не знаю, жив ли он?

Конечно, он был жив. Она поздравляла его с каждым праздником. Он не ленился, тоже отписывался. Подарками какими-то обменивались время от времени. Но все – посредством почты. Все через нее. Созванивались раз в год, редко чаще. Почему так? Потому что у отца давно уже была другая семья. Он жил хорошо и спокойно. Покоем своим дорожил и ее приучил к этому. Поэтому она и не волновалась за состояние его дел, равно как и он не волновался за нее. Он даже не знал, что она разведена с Семеном, до сих пор передавал ему приветы.

– Все, Верочка. До завтра.

Кристина Леопольдовна мягко вытолкала ее на улицу. Захлопнула дверь. Веру тут же обступила темнота. Ни одного фонаря. Только свет окна брачной конторы да точка сигнализации адвокатской конторы. Она медленно пошла по улице в обратную сторону от автобусной остановки. Там была стоянка такси. Очень хотелось оглянуться, прислушаться, но она не стала. По опыту знала: стоит сделать это один раз, голова начнет крутиться как заведенная. И прислушиваться не было нужды, было очень тихо, ничего кроме звука ее шагов, осторожных, вкрадчивых.

Ей оставалось до выхода на свет метров четыре-пять, когда ее вдруг кто-то тронул за плечо. Она взвизгнула, вжала голову в плечи. Глубоко вдохнула следом и только хотела завизжать, как тихий голос, показавшийся знакомым, попросил:

– Не надо... Не надо кричать. Я не сделаю вам ничего дурного. Просто хотел проводить.

– Не надо меня провожать! – попыталась она возразить и хотела вывернуться. Но мужчина держал ее крепко. – Пустите!

– Нет, милая. Не пушу! Я все же провожу вас.

– Нет!

Вера начала пятиться, но почему-то, дурная, пятилась в обратную от света сторону. Тут же некстати вспомнила сравнение про ватные ноги и мысленно возразила. Ног она не чувствовала вовсе. Хорошо чувствовала чужие крепкие пальцы на своем плече, это да. Даже сквозь ткань платья и толстый кашемир пальто! Еще чужое дыхание на своем лице чувствовала, мужчина стоял слишком близко. Дыхание было свежим, пахло мятной жвачкой. То есть вызвавший ее проводить человек не был пьян.

– Пустите меня! – у нее вдруг закружилась голова. – Пустите, я стану кричать.

– Это глупо. Я не пытаюсь сделать вам ничего дурного, – возразил он каким-то узнаваемым голосом. – Я просто вас провожу.

– Я сама... – она топнула ногой, вышло вяло, безжизненно. – Я иду на остановку.

– Автобус ушел. Последний автобус будет не скоро. Я постою с вами. Идемте!

И, невзирая на ее беспомощные трепыхания, мужчина силой потащил ее в обратную от света сторону.

Кажется, она пыталась кричать. И, кажется, даже пыталась вырываться. Или это ей только казалось? Потом еще было видение, когда он тащил ее мимо крыльца брачного агентства, что Кристина Леопольдовна стоит в светящемся дверном проеме и смотрит на них. По-доброму смотрит, с улыбкой – мягкой, одобряющей. Странная слабость. Странная подавленность. Чудовищное безволие.

Что с ней?! Почему она плетется за ним? Почему не кричит?! Не пытается вырваться?!
Неужели с ней все это сотворил страх?!

Глава 2

– Девушка... Девушка, паастойте!

Молодой мужик с колоритной внешностью жителя гор бежал за ней от самого перрона. Ева не оборачивалась. Он орал, пытался хватать за ручки сумки, пытался уговорить ее сесть именно в его такси. А она просто шла и просто не оборачивалась.

Почему?

Потому что вчера с вечера к ней в купе завалила группа молодых людей – одна девушка и два парня. То есть получалось двое на двое. Они все сразу правильно расселись вокруг столика. Принялись доставать бутылки, закуску. Потом веселились. Навеселились до песен, вызова начальника поезда и угроз посадить их где-нибудь по дороге. Проводница вообще грозилась сдать их в полицию на ближайшем полустанке.

– Ладно эти! – тыкала замученная баба в железнодорожной униформе толстым пальцем в ее попутчиков. – Вы-то приличная с виду, респектабельная дама!!!

– Вот именно, что с виду! – вторил ей начальник поезда, распластанный толстым задом коллеги по двери купе. – Как не стыдно! Люди отдыхают!

– И мы отдыхаем, – возражала ему девушка из троички. – Просто у нас очень активный отдых!

Они ржали, махали руками, пытались что-то объяснить, как-то подавить гнев представителей железки. Выходило очень плохо. Но все же вышло. Они убавили звук своего разнузданного веселья. Проводница потом к ним зашла на рюмку коньяка. И взяла с собой остатки в бутылке, другу. Другом, как Ева и подозревала, был начальник поезда. Конфликт был исчерпан. Силы тоже. И ближе к утру всех накрыло тяжелым забытием. Проводница их еле растолкала. Ева быстро метнулась в туалет. Долго умывалась теплой противной водой, чистила зубы в три приема, протирала шею, руки влажными ароматизированными салфетками. Потом терла влажными руками ежик коротко стриженных волос, пытаясь собрать себя в кучу. Похлопала по щекам, чуть поерзала черным карандашом по векам, румянами по скулам. В купе вернулась почти человеком. От опохмелки отказалась наотрез. Отшутилась, когда у нее принялись вытрясать номер мобильного. Быстро схватила сумки и выскочила самой первой из вагона на перрон.

И тут этот таксист...

– Девушка, девушка, домчу, куда пажелааишь...

– Я на машине, отвали, – цедя каждое слово, Ева остановилась и тяжело взглянула на таксиста. – Все услышал?

Она умела делать страшный взгляд, неподъемно тяжелый и понятный даже таким приставучим таксистам. Он отстал.

– Наконец-то!

Ева подняла глаза к небу, тут же поймала взглядом непогоду. Та явно собиралась накрыть город очередной порцией отвратительного мелкого ледяного дождя. А в доме у нее не включен котел отопления – потому что уезжала она оттуда еще весной и все, к чертям, отключила – даже воду и рубильник на щитке. Значит, дома холодно и сыро. И ехать туда совершенно не хотелось. Значит, что? Значит, надо ехать к Верке. У той всегда тепло, уютно, пахнет вкусно. А если так пахнет, то этим вкусным набит холодильник. И на плите какая-нибудь кастрюлька томится под сложенным вчетверо полотенцем.

Все, решено: она едет к Верке. Отлежится у нее, поест, отдохнет, узнает все новости. Ходила она, нет, в брачное агентство? Надо было ее предупредить, чтобы не ходила. Она ведь так и не договорилась про ее визит. И ее торопила просто, чтобы та сиднем не сидела. Да и

последняя новость про эту контору была совершенно нехорошей. Что-то темное там крылось, что-то запретное, почти преступное.

Не предупредила, надеясь все рассказать при встрече и искренне рассчитывая на Верочкину нерасторопность. Та сначала с духом будет месяц собираться, потом недели две наряды раскладывать на кровати, выбирая. Потом еще вдоль по улице будет маршировать, репетируя вступительную речь. Что, она ее не знает, что ли?

Ничего, все расскажет при встрече.

Потом Ева отмокнет в ванной, наестся вдоволь, отоспится. Потом они с Верочкой общаются все магазины, забьют пакеты провизией и поедут в ее дом, обживать его – стильный, неуютный, брошенный.

Ева спустилась на платную парковку. Отыскала свою машину. Быстро сорвала с нее чехол, скомкала, сунула в багажник. Любовно осмотрела. Умничка, хорошо себя вела без нее – ни царапинки, ни ссадинки, ни пылинки, ни соринки. Ждала свою хозяйку, верно и долго ждала. Сколько ее не было в стране? Месяца четыре? Полгода? Больше? Ужас! Верочка непременно всхлипнет при встрече, будет ворчать, ее откармливая.

Ева вдруг почувствовала, что дико соскучилась по подруге. По их посиделкам, милым беззлобным сплетнишкам. Даже в носу защищало, так расчувствовалась.

Во дворе у Верочки было пустынно, ни одной злобной старушенции, которые вечно провожали Еву противными взглядами, пуская ей вслед шлейф из осуждающего шепота. Всех сдуло – с набережной несло такой промозглой сыростью, что она до подъезда неслась бегом. Ворвалась в него, шумно выдохнула.

– Здравсте, вы к кому? – из окошка консьержа высунулась незнакомая усатая морда кирпичного цвета.

– Я?! – Ева сунула руку в карман, достала связку ключей, на которой болтался еще ключ и от Веркиной квартиры. – Я домой!

– Что-то я вас не помню, – кирпичного цвета физиономия шевельнула пышными усами.

– Я вас тоже! – возмутилась она. Но решила все же пояснить: – Я долго была в отъезде.

– Квартира-то хоть какая? – проворчал новый консьерж с физиономией пивного дегустатора.

Ева послушно назвала номер квартиры. Дядька что-то записал.

– Извините, – спохватился он, прокричав Еве в спину. – Я действительно тут недавно.

Он вылез из своей каморки и встал возле лифта. И потом стоял, когда она вышла на третьем этаже. Она видела кирпичный багрянец его щек, свесившись с лестничных перил. Он ее караулил! Ну и ладно, она не гордая, она откроет своим ключом. Верочка, конечно, может испугаться. Или подумать, что Семен вернулся. Но объяснится, чего такого-то!

Верочка не перепугалась. Ее не было дома. И, судя по всему, не было давно. Цветы пожухли. На газовой плите в кастрюле что-то прокисло и воняло из-под крышки так, что Еву тут же затошнило. С учетом ночной программы, ее сейчас воротило буквально от всего, а тут такое...

Ева насупилась. Еще раз обошла квартиру.

– Вера, что за ерунда?! – возмутилась она и шлепнула себя по бедрам. – Ты где вообще?!

Вера, понятно, не отозвалась. Мобильный ее был отключен. Ева позвонила сразу, как не обнаружила подругу дома.

Ева подошла к телефону. На автоответчике ни единой записи. Кто ей мог звонить? Никто! Семен если и звонил, в чем Ева сомневалась, то только на мобильный. Сама она с ней все больше через Интернет общалась. И тоже не часто как-то.

Где она?!

Ева стащила с себя куртку, ботиночки, включила во всех комнатах свет и приступила к более тщательному осмотру. Как учил ее последний дружок? С чего надо начинать досмотр? Правильно, с личных вещей!

Личные вещи Веры оказались на месте. В шкафах все лежало ровными стопочками. Пустых вешалок тоже не было. Даже верхняя одежда была вся на месте! Хотя нет, стоп! В мусорном ведре Ева обнаружила срезанные ценники и бирки с кашемирового пальто, а также упаковку от новых колготок. Дорогих! При повторном досмотре личных вещей обнаружилась пропажа ее любимого платья цвета спелой вишни. Ага! Уже что-то!

Ева немного успокоилась, закрыла шкаф и пошла в кухню. Кухня может рассказать о жильцах очень многое, если не все – этому учил ее тоже последний дружок. Такая страстная, такая сексуальная и такая лживая скотина!

Ева принялась осматривать все полки холодильника, тарелки, стаканы, кастрюли, в мусорном ведре она уже побывала. Поверхностный осмотр показал, что Вера не готовила минимум недели две. Тогда же покупались и продукты, судя по упаковкам. Приготовленная каша протухла тоже давно. Ее Ева, зажав нос и рот рукой, отправила в унитаз. Кастрюлю сунула в посудомоечную машину. Больше грязной посуды не было. Она запустила машину и начала повторный, более тщательный – детальный, как учил ее мачо, досмотр.

В принципе, вывод оказался тем же. Веры не было дома уже недели две. Ну, плюс-минус пара-тройка дней. Было это спешным отъездом или внезапным исчезновением, Еве еще предстояло выяснить.

А она станет выяснять?

– А как же! – громко прозвучал в тишине комнат ее голос. – Если не я, то кто же? Главное, знать, с чего начинать.

Начинать стоило, следуя все тем же инструкциям сексуального лжеца, с лиц, с которыми Вера была знакома. То есть следовало определить круг ее знакомых. А круга – и не было! Был крохотный такой треугольничек – из самой Веры, ее бывшего супруга Семена и ее – Евы. Все! Больше Ева никого не знала. Нет, папаша еще какой-то там где-то далеко имелся. Еще были соседи. Потом знакомые кассирши в магазинах, продавцы, с которыми Вера всегда бывала любезна. Но это все не то, не то! Ни одна из них, Ева была в этом уверена, не вспомнит про женщину, заходившую в магазин пару недель назад в каком там пальто. Ах да, в кашемировом кофейного цвета. И в сапогах на тонких шпильках. Коробку Ева нашла при повторном досмотре личных вещей пропавшей подруги.

Надо звонить Семену.

Она набрала его первый номер. Пустышка, электронный ответ про недоступность. Набрала еще пару с визитки, которую ей всучила Влада при последней встрече. Один тоже отключен. Второй – чудеса, но отозвался. Сначала длинным зуммером. Потом заспанным голосом бывшего мужа Веры.

– Привет, Семен, это Ева, – она упала в любимое кресло подруги и вдруг зажмурилась.

Как сказать? Вера пропала?! А вдруг нет? А если с ней все в порядке? Ей очень, очень хотелось на это надеяться, но противное предчувствие, не подводившее ее прежде никогда, встряхнулось, потянулось и принялось вставать в полный рост.

– Ева? Какая Ева? – принялся валять дурака Семен, он сто процентов узнал ее по голосу.

– Такая Ева, прекрати!

Она чуть повысила голос, теперь-то он ее точно должен узнать, таких высоких истеричных нот, как у нее, не было ни у кого больше. Во всяком случае, он утверждал так прежде.

– Ах, Ева, – будто бы с облегчением выдохнул Семен. И тут же принялся дурачиться. – И что хотела Ева? Адама? Но я не могу! Я как бы занят!

– Этого добра у меня всегда в избытке, так что не напрягайся, – хмыкнула Ева, он ее узнал, теперь надо было переходить к главному. – Тут такое дело, Семен...

– Денег нет! – выпалил он вдруг.

– Каких денег?! – она даже опешила.

С чего это он вдруг? Она брала у него пару раз займы, но это когда было?

– Ты ведь звонишь, чтобы одолжиться, так? – он протяжно зевнул, хрустнул суставами и, кажется, полез из кровати. – Слышал, что твой последний роман закончился так...

– Это неважно! – перебила его Ева, скрипнув зубами.

Надо же, как дружно соотечественники за рубежом обсасывают дела друг друга! И до Семена с Владой докатились слухи, что Евин последний роман закончился отвратительно. Неужели им известно все, все, все?

К примеру, что последний ее избранник ободрал ее до нитки и смылся из гостиничного номера, пока она была в душе. При этом он оказался никаким не испанцем, хотя очень уверенно коверкал русский язык. И никаким не бывшим констеблем полиции с неоправдавшейся надеждой на скорое повышение. И дома у него никакого не было, оставшегося после смерти бабушки. Квартира, правда, была, и огромная, но где-то в Челябинске. Должность и звание офицера полиции с надеждой на скорое повышение существовали, но тоже там же, не в Испании.

Единственное, в чем эта сволочь ей не соврала, это в том, что она была холостой. И что у нее – у этой сволочи – не было детей. Может, станется, что и в записке, пришпиленной к ее пустому бумажнику, тоже правда. И он ей все вернет до копейки, но...

Но осадок-то остался, черт побери!!!

Пусть он вернет ей деньги, да. Пусть даже несколько слов о его чувствах тоже правда, но ведь он не Серхио, блин! А обыкновенный Сашка! Челябинский пацан, ловко обыгравший свою служебную командировку под прикрытием под роман с ней.

– Лихо он тебя сделал, да, Ева? – вкрался в ее возмущенное сознание голос окончательно пробудившегося Семена. – Тут весь бомонд на ушах!

– О господи, какой там у вас бомонд-то? Четыре пары неудачников, слепившихся в эти самые пары посредством случки через брачную контору? Ха-ха!!! – она зло расхохоталась, немного презирая себя за то, что приходится отбрыкиваться таким вот примитивным способом. – Бомонд! Где бы ты был без денег Влады, умник?

– Ну... Не было бы Влады, был бы еще кто-нибудь. Да я и сам не нищий, забыла? А что касается брачной конторы... Милая, а не ты ли рекомендовала моей бывшей супруге туда обратиться?

Семен говорил с ней очень спокойно и ровно. Кажется, ему было все по фигу. А вот она кипела. И не только из-за этого уroda, который выкрал ее деньги, надежды и немножко прихватил от сердца. Еще и из-за того, что кто-то ее сдал этому самодовольному нахалу Семену.

Кто? Владка? Скорее всего, она. У нее брала координаты той конторы Ева. Правда, утверждала, что для себя. Но кто поверит-то? Или у Влады там связи и ее оповестили, когда Вера пришла? Так она все же пришла? И ее теперешнее отсутствие в доме объяснимо?

– И она что же, обратилась? – миролюбиво поинтересовалась Ева, хотя пальцы, сжимавшие телефон, онемели. – Вера пошла в эту контору, чтобы спариться?

– Фу, как некрасиво, Ева!

Семен гортанно рассмеялся. Когда он так ржал, он был доволен жизнью под завязку.

– Так и что, Сеня?

– Ну... Если честно, то ей все равно. И она... Она ничего не знает.

– И? – Ева начала понемногу успокаиваться. – И что, как сам думаешь, Вера могла? Прямо вот так и укатить куда-то с каким-нибудь избранником?

– Господи, ну почему сразу укатила-то? Там, знаешь, сколько времени должно пройти, прежде чем тело к телу допустят?! А денег! Денег высосут прорву! А Вера совсем немного со счетов снимала.

– Ты-то откуда знаешь?! – вытаращилась Ева.

– Так у меня информация по каждому счету сообщением на телефон приходит. О начисленных процентах, о съемах.

– Ага! Контролировал, стало быть? – она поморщилась. – Опасался, что супруга все спустит?

– Не она, а за нее кто-нибудь! – пояснил со вздохом Семен. – Подруга ее, к примеру. Она вечно на мели. То потратится, то просрет, пардон. Как же тебя этот мачо сделал, Евка! Ты что, в самом деле думала, что он испанец?! У него же на лбу устав высечен! Ты его глаза-то хоть раз видела? Или твой взгляд выше его ширинки не поднимался?

– Может, и так, – вдруг согласилась она.

Сама удивляясь своей покладистости, может, такая милая сделалась, чтобы Семена еще разговорить? Кое-что она узнала, но ведь не все.

– Ох, бабы, учит вас жизнь, учит... – он снова довольно заржал. – А я ведь его знал, Сашку твоего. Знал как облупленного! Он для нашей фирмы кое-какие дела конфиденциальные творил.

Ага!!! Вот откуда информация, оказывается! Ладно, есть надежда, что ее кости обгладывали лишь эти двое.

– Профессионал, скажу тебе! – продолжал наслаждаться Семен. – С большой буквы, Ева, Профи! Тебя как сделал, а! Мастерски! Но ты прости его, Ева. Видимо, на то были причины. Расскажи он тебе правду, ты бы выдала его и себя с головой. А так... Теперь небось новую дырку сверлит под звезду на погонах.

Ох, как ей хотелось сейчас запустить телефоном куда-нибудь! Лучше, конечно, Семену в лоб. Но, судя по всему, тот был теперь далеко. Стоило и об стену попытаться, может, полегчало бы?

– Ладно тебе, Сеня. Проехали, – выдохнула она судорожно. – Так что, считаешь, Вера ни до какого избранника так и не добралась?

– Ой, да ничего я про нее не считаю! Надо мне? – он фыркнул очень неприятно, у нее аж десны заныли от острого желания его послать куда подальше. – Понятия не имею. Была она там, нет – не знаю.

– Но деньги на счете целы?

– Точно целы.

– И что это значит?

– Господи, Ева, ты чего? – у него там полилась вода, загремело что-то металлическое. И он тут же пояснил: – Кофе себе собираюсь варить. Не угостить?

– Угостишь еще. Так что дальше?

– Дальше чего? – заныл он.

– С Верой что было дальше? – она снова, все же не выдержав, повысила голос. – Допустим, она была в этой брачной конторе, выбрала мужика, денег не потратила. И?

– И?

– Где она тогда, черт побери тебя, Семен?

– В смысле? – отозвался он рассеянно и вдруг выругался. – Сахар просыпал.

– Веры нигде нет, Сеня! Нет ее дома! Где она?

– Значит, придет.

– Откуда? Ее нет минимум недели две! – она уже, не замечая, орала. – В холодильнике полно продуктов двухнедельной давности. На плите каша какая-то протухла. Веры нет!

– Гм-мм... – он помолчал, потом сказал беспечно: – Значит, уехала. Чего переполошилась?

– Без денег?

– Гм-мм... Может, кто-то взял ее на свое иждивение? – уже менее уверенно предположил он. Помолчал и тут же, чуть веселее, закончил: – Может, ей было неприятно использовать мои деньги в путешествии с новым избранником, вот она...

– Вещи все целы, Семен.

– То есть?

– Вещи все на месте. Она купила себе новое пальто, сапоги, я нашла коробку и этикетки. Нет вишневого платья. И все! Все на месте, включая белье и зубную щетку. Где она, Сеня???

– О господи! Я так и знал, что с этой курицей когда-нибудь что-нибудь да приключится!!! – взвыл он и снова загремел. Кажется, турка полетела в раковину. – Выпил кофе, черт побери!!!

– Семен, – Ева снова сбавила обороты. – Давай что-то думать, а?

– Я?! Думать??? С ума сошла? Я, между прочим, женат на другой женщине. И абсолютно счастлив был до твоего звонка.

– А сейчас тревожишься? – понадеялась Ева.

– С чего это? – тут же разочаровал он ее. – Просто злюсь. На кой мне с утра всякие треволнения, а? К тому же эта курица может ведь и впрямь попасть в историю. Я ведь ее, не поверишь, первый год супружеской жизни через дорогу за ручку водил!

Ева поверила. И не потому, что Вера была беспомощной и не могла самостоятельно через дорогу перейти, нет. Просто она так любила своего Семена, что позволяла ему лепить из себя любое чудовище, любую игрушку, любую модель. Нравилось ему водить ее через дорогу, ощущая при этом себя сильным и всемогущим? Бога ради! Нравилось выбирать ей наряды? Не вопрос! Нравилось самому покупать продукты? Кто же против!

Эх, Вера, Вера! Надо было этому козлу почаще перечить, глядишь, и не заходило бы теперь сердце у подружки в смертельной тоске.

А оно заходило, сердце это дурацкое. Ныло и переворачивалось. И тянуло все внутри ледяными когтями, и царапало.

– Ты еще здесь? – спросил Семен, обиженно посопев, за кого и на кого обижался, только непонятно.

– Здесь.

– Короче, Ева, разговор сворачиваем. Где теперь моя бывшая, понятия не имею. Я вообще не в стране, и деньги теперь прозираю с тобой по телефону.

Стал бы он! Наверняка все входящие бесплатно.

– Деньги со счета не пропадали, в брачной конторе Верка была или нет – не знаю. Мне она не звонила, я ей тоже. Еще вопросы имеются, гражданин следователь?

– Имеется один, – буркнула она. – Как ты докатился до такого сволочного состояния, Сеня? Как ты...

– Да пошла ты, овца!

И он оборвал разговор.

Ева еще посидела в кресле, сжавшись в комок и прислушиваясь. Вдруг ключи в дверном замке загремят? Вдруг Вера откуда-нибудь вернется? Потом пододвинула к себе телефонный справочник, открыла его на страницах с номерами больниц своего города и начала обзванивать все подряд.

Веры нигде не было. Ни в одной больнице! Все травмпункты тоже открестились. В моргах, куда она начала названивать часа через два бесполезных поисков, тоже, слава богу, Вера не нашлась.

Что дальше?

Так, по пунктам: досмотр личных вещей произведен, личные контакты установлены – никто ничего не знает. Телефон отключен. Сообщений на автоответчике нет. Деньги со счетов

не пропадали. В больницах и моргах ее нет. Жива? Конечно, она должна быть живой и здоровой! Пусть только попробует!

Что после этого следует делать?

Далее должен быть совершен поквартирный обход. Этому тоже ее обучал ее испанский мачо с челябинскими корнями. В какие квартиры стучать? С какими вопросами?

– А вы давно Верочку видели? – по логике должна спросить она.

– А пару недель назад, – скажут ей в лучшем случае.

Но это-то она и без них знает. Вернее, догадывается, а точнее – вычислила.

– Она была одна? Не показалась вам расстроенной?

Последний вопрос можно было смело не задавать. Вера скорее ампутирует себе конечности, чем покажет свое состояние на людях. Но вот первый...

Ева выкарабкалась из кресла и тут же присела. Ноги отсидела до онемения. Пришлось попрыгать, побрыкаться, пощипать себя за коленки. И тут же, как по команде, по батареям застучали.

Ага! А она и позабыла совсем. Вот куда следовало идти непременно!

Под Верой, на втором этаже, жила безработно-беззаботная тетечка примерно тридцати пяти лет от роду. Ночами тетечка гуляла, днем спала. И если им с Верой вдруг приспичивало ходить по квартире тяжелой поступью, тетечка тут же срывалась с коечки и принималась молотить по батареям...

– Привет, – Ева предусмотрительно сунула носок ботинка в щель между дверью и косяком. – Потрещим?

Физиономия тетечки напоминала перезревший кабачок – серо-желто-зеленого цвета, одутловатая, с волосяными вкраплениями. Волосы в беспорядке рассыпаны по молочным плечам. Обнаженным, вау! Она кто, думала, придет-то? Ниже плеч на высокой груди топорщилось обернутое вокруг стройного тела и небрежно подоткнутое в подмышке полотенце. Точно ждала не ее!

– Чё тебе надо, коза? Ты кто вообще? – тетечка скривила сизого цвета губы, попыталась двинуть дверь босой ногой.

Но что ее костлявая стопа против ботинка Евы стоила? Ничего! Ха-ха!

– Я? Ты мне стучала, между прочим, только что. Я Ева, – и она миролюбиво улыбнулась, она так могла.

– А-аа, это ты там сейчас наверху бесилась?

– Я.

– А хозяйка-то где вообще? – все без эмоций, даже без любопытства. С тяжелыми вздохами, сопровождаемыми тяжелым похмельным амбре. – Не слышно ее вообще.

– Вот по этому поводу я и хотела бы поговорить.

– А повода-то нет как раз, – хмыкнула дама. – Мы с ней не общались. Просто не слышно ее давно, вот и...

– Как давно?

– Пару недель, – не разочаровала ее тетечка. – Да, точно. У меня еще племянник гостил тогда, она все топала и топала наверху. А потом все – тишина.

– А так, в подъезде не встречались? Может, к ней в гости кто приходил?

– А чего за парево, не пойму? – запавшие мутные глаза сощурились. – Пропала, что ли?

– Типа того, – Ева шмыгнула носом и вдруг опустила голову.

Она и не думала, что так сложно ловить на себе сочувствующие взгляды по причине исчезновения подруги. А тетечка вдруг посочувствовала и посмотрела именно так. И сделалось больно и противно.

– Ишь ты... Не-а, я ничего такого. Племяннику позвоню, спрошу, если нужно.

– Нужно! – встрепелась Ева. – Еще как нужно!

– А как хоть пропала-то? – любопытство проснулось, расцветив румянцем желтоватые блеклые щеки, тетечка ожила.

– При невыясненных обстоятельствах, – туманно пояснила Ева, сунула карточку со своим мобильным и простилась со словами: – Если что, звони!

– Ладно, – дверь захлопнулась.

Другие не открылись. Ни на Верочкиной площадке, ни выше, ни ниже. Первым этажом пользоваться вообще следовало осторожно. Усатый консьерж бдил! И даже не подпустил к почтовым ящикам, строго сканируя ее передвижения. Ключа-то у нее от ящика не было, а начнет нос туда совать – дядечка вызовет полицию. А общения с полицейскими ей хватило за глаза!

– Сволочь!

Ева шепотом послала очередное проклятие в Челябинск, завела машину и поехала домой.

Глава 3

Все, что она о нем теперь думала, ему совершенно не нравилось. Такое понравиться не могло никому. Он – каким бы замечательным он себе и окружающим ни казался – не исключение.

А что она о нем знала? Первое: он врун. Второе: подлый врун. Третье: вор. Ну и потаскун, к тому же.

Конечно, конечно, он мог оправдаться. У него по каждому пункту шел целый список оправдательных материалов, основанных на реальных событиях. Но она ведь слушать не станет? Не станет. Потому что она гордая! Потому что невозможно красивая! Потому что... такая была одна.

Ах, Ева, Ева! Если бы она только ответила хотя бы на один звонок, он бы все объяснил. Глупая нелепая записка, которую он оставил в номере, ничего не объясняла. Она только сильнее все запутывала.

Саша постучал пальцем по оконному стеклу, пытаясь привлечь внимание крохотной пташки, усевшейся на оконный отлив. Но только спугнул. Птица улетела. Ева тоже улетела. Улетела к себе домой. Или укатила поездом. Разница невелика. Их разделяли теперь не сотни, тысячи верст. И он мог бы, конечно, сесть в самолет и улететь к ней. Поезд тоже был вариантом. Но...

Но он мог запросто поцеловать запертую дверь и улететь обратно ни с чем. Запросто мог быть не принят даже при распахнутой двери. И даже обруган и высмеян. Последнего он бы не пережил. Он же мужик! С достоинством, гордостью! С целым пакетом, короче, всякой мурсы, не позволяющей ему стоять перед женщиной на коленях.

Что делать?!

– Саня, Саня, срочно к начальству! Что-то там по тебе такое...

Секретарша Анна Евгеньевна тяжело дышала, обнимая пластиковый чайник. – Там приказ, кажется, пришел о твоём переводе.

– Да ладно! – он заволновался сразу, затеребил верхнюю пуговицу на воротнике рубашки. – Неужели созрели?

Вопрос о его переводе из Челябинска в Центр назревал давно. Ему все обещали и обещали. Но потом все отодвигали и отодвигали. Он уже несколько раз выставял свою квартиру на продажу и несколько раз блокировал объявление. Неужели свершилось? За какие же такие подвиги?

– Тобой остались очень довольны в последний раз, Саша! – Анна Евгеньевна многозначительно поиграла густыми бровями. – Все довольны, Саша!

«Не все», – с грустью тут же осадил он свою радость.

Ева его теперь даже ненавидеть не может. Она его теперь просто презирает. А это много хуже.

– Ступай, дорогой. Ступай, и мои поздравления!

Анна Евгеньевна выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью. Он пошел за ней минуты через две. Полчаса потом слушал от начальства хвалебные речи в свой адрес, немного разбавленные сожалением. Потом подписывал необходимые бумаги в секретариате, в бухгалтерии. И уже через два дня был практически одной ногой на вокзале.

– С жильем тебе там помогут. Пока тут твою берлогу продадут, времени пройдет о-го-го сколько, – обещало начальство. – Там уже хлопочут...

Похлопотали как-то не очень. То есть вообще никак. Полдня он устраивался, бегая по конторе с бумагами. К вечеру выдохся, зашел за ключами. Ключи-то ему должны были выдать,

без разницы от чего: от квартиры, комнаты, угла. Но увы и ах! Ключей не было. И никаких распоряжений на его счет тоже не было.

– Могу предложить свой диван, – алчно ухмылялась ему в лицо пожилая майорша, помогавшая с трудоустройством. – Живу одна. Детей нет. Муж сбежал еще две пятилетки назад. Так что...

– Ой, спасибо огромное! – он галантно поклонился, тепло улыбнулся, выпрямляясь. – У меня родственников тут много. Где-нибудь остановлюсь.

Родственников у него, в самом деле, было много. Собери всех на торжество, ресторанного зала могло и не хватить. Но, как назло, ни единой души в этом милом, славном городе, куда его перевели как бы на повышение. Ни единой души! Даже четвероюродной.

Но зато здесь жила Ева! Самая прекрасная, самая длинноногая, самая сексуальная гордячка, не принявшая его извинений. И не ответившая ни на один его звонок. А что, если нагло заявиться к ней, объяснить ситуацию и...

Да плевать она хотела на его ситуацию. И плевать ей на то, что ему ночевать негде. Гостиниц в городе много. Снимай номер и живи. Не нищий же, в самом деле. Командировочные на руках, подъемными сегодня снабдили. Она же не примет то, что ему дико хочется ее увидеть, как объективную причину. Нет, не примет.

Как же к ней подобраться? Думай, сыщик! Думай, ты умный, хитрый, изворотливый...

Придумал. Взял и набрал номер Семена Белова. Когда-то он выполнял для их фирмы одно очень деликатное неофициальное задание. Справился с честью. Белов лично после генерального ему руку тряс минут десять и просил звонить, если что. Он бы и не вспомнил о нем никогда, если бы Белов сам о себе не напомнил и не позвонил после той неприятной истории, в которую они с Евой попали по недоразумению.

Он уже был в Челябинске, когда Белов позвонил. Долго трепался о чем-то несносно глупом. Потом плавно перешел к отдыху за границей. Удивленно будто бы вспомнил, что где-то пересекался с ним в Испании, но, правда, узнал не сразу.

– Ты там под прикрытием, что ли, работал, Саш? – понизив голос до шепота, спросил он вдруг.

– Типа того, – нехотя ответил Саша.

Ему очень не хотелось говорить с Беловым. И история была некрасивой. И Белов ему не нравился. Скользкий какой-то, неприятный, хотя и смазливый очень. Женщинам такие нравились.

– Ух ты! Круто! А я смотрю, Ева тебя называет все время как-то странно. И все пытается с тобой на испанском заговорить. Я еще подумал тогда, что обознался, и подходить не стал. Надо же...

Потом Белов снова нес какую-то чушь про клубный отдых, набирающий сейчас обороты в любимом отечестве. Тут же не согласился с Сашей, что это не что иное, как очередная финансовая пирамида. Потом снова что-то болтал. Начал набиваться в друзья, Саша отшутился, на том и простились.

Сейчас вот он вдруг вспомнил, что Белов называл Еву по имени. Знаком с ней, стало быть? Если знаком, может дать какую-нибудь наводку. Как-то же к ней надо было подкатить! Он так не может, черт побери! Быть рядом и не увидеть. Она снилась ему, если что!

Саша вошел в первое попавшееся на пути кафе. Занял столик в углу, заказал горячего супа и чай с лимонным пирогом. Обещали все принести минут через десять. Время для звонка было.

– Саня, ты?

Белов был пьян, догадаться было не сложно. Язык заплетался, слышался звон бокалов, гул голосов. Что-то снова празднует. Веселая жизнь у него. Как бы так научиться жить, а?

– Я. Говорить можешь?

– С тобой? Да запросто! А ты где вообще? Мы сейчас в Хорватии, отдыхаем на всю катушку. Ты не здесь? А то подваливай, брат! Отдохнем!

– Я не устал. И я в России, – Саша сцепил зубы. Белов был ну очень противным. – Дело есть.

– Говори! Весь внимание! – икнул, скотина пьяная.

– Девушку, что была со мной в Испании, помнишь?

– Еву, что ли?

– Да.

– Ее забудешь, змею, как же!

– Почему змею? Почему змею-то сразу? Нормальная девчонка! – На него тут же оглянулись, возмущение было очень громким, и пришлось звук убавить. – У нас, кстати, нормально все было.

– Ага, до тех пор, пока ты ее не кинул. Я немного в курсе, – Белов наслаждался. – Она там деньги, между прочим, занимала. Ты как-то не подумал, что ли?

– Выбора не было, – мрачно пояснил Саша. – Работа под прикрытием, сам понимаешь.

– Понимаю! Тс-сс... Это разглашению не подлежит, – с глумливой торжественностью произнес Белов. – Дело прежде всего! А Ева... Что ей будет-то? Она уже в России, звонила мне недавно, змеища! Начала, как всегда, за здоровье. Закончила, ну ты догадываешься.

– Немного.

Саша кивнул благодарно официантке. Принесли суп, от которого шел такой божественный запах, что хоть телефон отключай. Он взял ложку, помешал в тарелке. Мясо, огромные просто куски мяса, крохотные крупинки картошки, зелень, маслины. Влажный шлепок сметаны в центре тарелки.

– Ева... Я советовал бы тебе держаться от нее подальше, Саня, – вдруг до невозможного твердым и трезвым голосом произнес Семен. – Она – это ходячие неприятности. Даже вот возьми историю в Испании. Из всех парней и мужчин она выбрала тебя! Тебя – мента, работающего там под прикрытием! Это суперпопадание! Просто супер! Я всегда своей курице говорил: держись от нее подальше.

– Кому-кому? – он не выдержал и хлебнул из тарелочки и плохо расслышал.

– А, жене моей бывшей, Верке. Они же подруги с Евой. Что могло их связывать, ума не приложу до сих пор. Моя – полумертвая тень. Ева – вулкан! – Белов снова перешел на вальяжный пьяный тон. – Ей спокойно не сидится. Она просто не может. У нее шило в одном месте точно. Мы не очень-то с ней ладили всегда.

– А чего же она тогда звонила именно тебе из России? – удивленно вскинулся Александр, зачерпнув еще одну ложку супа.

– Так выдумала тоже! Вера, говорит, пропала куда-то!

– Вера – это у нас бывшая жена и подруга Евы, я правильно все запомнил? – мясо из супа просто таяло во рту, бульон был превосходным, горячим, наваристым, пряным.

– Это моя бывшая, правильно, – Белов задушенно зашептал. – Если честно, то мне плевать! Пропала она или что там с ней! Она чудная, каких поискать. Я с ней даже не контактирую почти. А Ева как разошлась! Говорит, Верки нет пару недель. Каша какая-то там, что ли, пропала в кастрюле.

– Что за бред?

Суп закончился очень быстро, и Саша подвинул к себе блюдо с куском пирога размером с ладонь.

– Вот я и говорю, бред! А Ева прицепилась: с Веркой беда! А я говорю: чего пристала? Она, может, мужика себе нашла и слиняла куда-нибудь. Она зря, что ли, собиралась в брачное агентство идти?

– Какое агентство?

– Где меня с Владой свели.

– Влада – это?

– Моя теперешняя жена, Саш. Разве это важно? Чего ты, как коп, в самом деле! Хотя ты ведь и в самом деле коп, чего это я? – пьяно захихикал Белов.

– А солидная хоть контора-то, чего Ева так разволновалась?

– О, что значит профи! – похвалил его Белов. – Одним предложением сразу два вопроса задать! Солидная, солидная контора. Голытьба с улицы туда не ходит. Там денежки нужно платить за счастье. Причем долго платить, прежде чем познакомят с тем, кого выбрал. А Ева волнуется всегда! Ей без разницы, есть повод или нет, она просто станет бузить, и все. Последний бесплатный совет: держись, Сашок, от нее подальше! Горя с нейхватишь, Саня! Ураган баба!..

Совету он не внял, потому что не боялся урагана. Он его возбуждал, будоражил, заставлял бурлить кровь в венах и заходиться сердце в нервном ступе. Это он про ураган, а заодно и про Еву тоже. Она действовала на него почти так же. И уже через час с небольшим он ошивался в окрестностях ее усадьбы. Это была именно усадьба, а не просто двухэтажный дом. Старый полузавалившийся забор, на который со всех сторон наступали старые липы и ели в два обхвата толщиной. Старинный дом под черепичной крышей, по которой обильно полз мох. Огромные деревянные рамы окон были закрыты массивными ставнями. Правда, не все. Одно окно на первом и два на втором этаже были открыты и приветливо светились. Рассмотреть, что внутри, возможности не было. Окна были плотно занавешены.

Саша перехватил сумку покрепче, вдохнул, выдохнул и шагнул к крыльцу, выглядевшему солидно и массивно. Кнопки звонка не было. Было огромное кольцо с молоточком, торчавшее из ноздрей чьей-то медной головы, пришипленной прямо под дверным глазком.

Он схватился за кольцо и несколько раз с силой ударил молоточком в дверь. Потом еще раз и еще. Какое-то время ничего не происходило. Затем в дверном глазке потемнело. Замок щелкнул один раз, тишина, и через пару минут – еще один щелчок. Дверь распахнулась, и у него мгновенно перехватило дыхание.

Господи, он и не представлял даже, что она так много стала для него значить! Несся через всю страну, как будто бы на повышение. Но ведь к ней, прежде всего, точно к ней!

Почти забыл, какая она красивая. Даже такая вот – в стареньком растянувшемся костюмчике мышинного цвета, в странной обуви. Не поймешь, то ли ботинки короткие войлочные, то ли тапки высокие. Вокруг стройной шеи, охотно принимавшей прежде его поцелуи, в три петли толстый вязаный шарф. Голова не покрыта. На голове все тот же жесткий ежик иссиня-черных волос, до которых тут же захотелось дотронуться.

– Деньги привез? – с легкой хрипотцой спросила Ева.

Волнуется? Или горло болит? Если волнуется, это хорошо. Это у него, значит, есть шанс. Крохотный, но есть. Если горло болит – шарф ведь на шее, – то это хуже. Шансов может не быть.

– Привез, – кивнул он. Нервно улыбнулся, переступил с ноги на ногу. – Здравствуй, Ева. Хочу познакомиться... заново, так сказать. Я – Саша. Александр Воинов, тридцати двух лет от роду. Холост, детей нет. Судимости тоже. Прибыл в ваш славный город для дальнейшего прохождения службы и... чтобы повидать тебя.

– Повидал?

Ее опасный маневр – легкое движение назад, в три крохотных шажочка – он разгадал сразу и поэтому тут же, швырнув сумку себе под ноги, перехватил дверь.

– Ева! Ева, не спеши, пожалуйста! Я приехал извиниться!

– Да пошел ты!!! – заорала она вдруг не своим голосом и, вцепившись в дверную ручку двумя руками, принялась тянуть ее на себя. – Отпусти, сволочь!!! Ты сволочь, тебе известно?!

– Да... Не злись, прошу тебя. Я все объясню!

– Я все про тебя знаю, Воинов! Все!!! Ты использовал меня, паскуда! – пыхтела она, лицо покраснело, вспотело от натуги, шарф сбился. – Мне не надо ничего объяснять!!! Это известно, причем всем! Мне тут Белов хвастался, что нашу ситуацию живенько обсуждают! Ты похвалился?

– Белову ничего не известно. Он просто не дурак и додумал, увидав нас вместе и поняв, что я кошу под иностранца. Все просто!

Ее силы стали слабеть. И, пихнув сумку с крыльца в дверной проем, он без труда вошел в дом. Ева отцепилась от дверной ручки и отпрыгнула подальше. Воинов захлопнул дверь, огляделся.

В доме, насколько хватало обзора с той точки, где он стоял, ему показалось красиво, но как-то не обжито. Угол массивного дивана и часть кресла пестрели красивым ярким гобеленом, но на них валялись горы тряпья. Высокий торшер на медной ножке с красивыми канделябрами накрывала старая газета. Ковер был свернут рулоном и лежал посреди комнаты, наверное, гостиной. Кухня поражала размерами – у Воинова вся квартира в Челябинске была чуть больше. На окнах плотные шторы, сквозь которые не заглянуть с улицы. На полу паркет. Вдоль стен красивые шкафы натурального дерева, газовая колонка, резная деревянная скамья с подушками в ситцевых нарядных наволочках, в другом углу такой же резной сундук, накрытый чьей-то лохматой шкурой. В центре большой овальный стол на ножках-тумбах, вокруг дюжина стульев. И ни крошки съестного, ни в одном из блюд.

– На диете? – вдруг спросил он.

– Не твое дело! – огрызнулась Ева, потерла натруженные ладони и пошла в кухню.

– Нет, просто едой не пахнет. Вот я и сделал вывод.

– Сыщик! – прошипела она, забралась с ногами на подушки на скамье, уставилась на него исподлобья. – Ну! Что стоишь?! Деньги давай!

– Извини...

Он полез в карман. Достал конверт, где еще с родины приготовил одолженную у Евы сумму. Он ведь именно одолжил, а не украл. Он и в записке так написал. Положил конверт в центр стола.

– Считать будешь?

Саша скользнул по ней взглядом и вдруг обнаружил, что воинственности в Еве ноль. Что она вот-вот готова зареветь. С чего бы? Прежняя обида на него покоя не дает? Или что-то еще? Может быть, из-за подруги расстроена? Белов что-то такое говорил.

– Слушай, Ева, – он принялся ковырять мозоль на правой руке, внимательно наблюдая за своими действиями, хотя очень хотелось понаблюдать за хозяйкой. – Я хочу, чтобы ты знала... Там, в Испании, все было по-честному.

– Да что ты? – ядовито отозвалась она после паузы. – Только звался ты несколько иначе. И акцент присутствовал. И...

– Это все было работой. Мне нужно было наблюдать за одним нашим сотрудником.

– Больше никого не нашлось? – фыркнула она недоверчиво. – Выцепили парня из Челябинска!

– Именно. Он же не мог меня знать. И даже о моем существовании не догадывался. По нашей базе искали сотрудника, немного владеющего испанским. Вот и нашли меня. А я... нашел тебя.

Мозоль не поддавалась. Саша со вздохом сжал кулаки и спрятал их в карманы теплой куртки. Взглянул исподлобья на девушку. Она была такой недоступной, такой красивой, ершистой и в то же время незащищенной, что внутри заныло. Так некстати вспомнилась их последняя ночь. Они тогда вовсе не спали. Он знал, что утром уйдет. Так надо было. И язык чесался признаться ей хотя бы в чем-то. Но было нельзя – он мог провалить задание. А на него надеялась куча народа.

– Ева, – он сделал робкий шаг в ее сторону, она инстинктивно подобрала колени, сжала губы. – Ева, милая... Все, все было по-честному между нами, понимаешь?

– Нет! – воскликнула она с обидой. – Не понимаю! Та последняя ночь... Черт, у меня никогда и ни с кем так не было! Это была ночь чудесных откровений! Я так думала!!! А ты... Ты подло меня использовал, сволочь! И хотя бы намекнул, если рассказать нельзя было. Хотя бы намекнул!

Она зажмурилась, замотала головой, потом вцепилась в шарф, принявшись сдирать его с шеи. И через мгновение расплакалась, уткнув голову в колени.

Ну что ты станешь с ней делать?! Плачет, как ребенок. Попытаться утешить, а вдруг будет только хуже? Он вот лично не знал, как поведет себя сильная женщина, которую довели до слез. Очень хотелось схватить ее, прижать к себе, расцеловать, он так скучал по ней!

– Ева, милая! Ну не надо, – тихо попросил он, присаживаясь к ней на скамейку. – Я прошу тебя, не плачь. Пожалуйста...

Вытянув правую руку, он слегка коснулся ее плеча. Она не шевельнулась, продолжая плакать. Воинов осмелел, сдвинулся сантиметров на десять ближе к ней, протянул вторую руку, положил ей на затылок, замер. Никакой реакции. Уже замечательно.

– Иди ко мне, – просипел он, резво просунул одну руку под нее, второй ухватил за талию и посадил себе на колени. – Иди ко мне, моя милая. Господи... Господи, Ева, как же я скучал...

– Ты сволочь, – слабым плаксивым голосом возразила она, утыкаясь губами в его щеку. – Ты кинул меня!

– Нет. Господи, нет же! Я просто выполнял приказ, девочка моя. Просто выполнял приказ.

Он нес совершенную чушь, уже плохо понимая, что говорит. Ее губы на его лице! Пальцы под свитером жадно хватают его кожу, оставляя на ней горящие следы! Ее запах, господи, он просто сводил его с ума. Она пахла перегретой на солнце травой, первой грозой, подмороженной проталиной, сверкающим инеем. Она была...

Она была всем, чем он дышал и наслаждался.

– Ты вспоминала обо мне? – Он целовал ее шею, растягивая вырез старенького костюмчика мышиного цвета до изящных ключиц. – Ты думала обо мне, Ева?

Зачем понадобилось это спрашивать? Идиот! Ты же украл у нее деньги! Ты бросил ее одну после шикарной ночи в гостиничном номере в чужой стране! Такое не забывается. И она именно так сейчас и скажет. И снова добавит, что он сволочь. Осторожной поступью, чтобы не спугнуть, чтобы снова не потерять. Чтобы снова не мучиться без нее. Надо так!

– Прости, – добавил он, услышав ее судорожный тяжелый вздох. – Прости меня, милая, прости!

– Прекрати все время извиняться, Серхио! – шутливо прикрикнула на него Ева придушенным голосом. – И прекрати уже тянуть этот чертов костюм.

– А что мне делать? – Он отодвинулся, глянул на нее – растрепанную, с потемневшими жадными глазами, со следами недавних слез, снова полез к ней целоваться, без конца повторяя: – А что делать? Что?

– Да сними его уже, наверное! – прикрикнула на него Ева. – И куртку свою сними, у меня и со мной не замрзнешь...

Они потом по всему первому этажу собирали свою одежду. Она – свою, он – все, что попадалось под руку. Сложили в кучу на том же заваленном тряпками диване в гостиной.

– Ты недавно переехала? – поинтересовался Саша, кивком указывая на вещи, сваленные в кресле и на диване в беспорядке.

– Недавно приехала. Разобраться еще не успела.

Она плотнее запахнула свой халат, уселась на подлокотник. Задумчиво глянула на него – босоногого, в одних трусах.

– Знаешь, это хорошо, что ты меня нашел, Сашка, – кивнув, проговорила Ева.

– Еще бы! – фыркнул он довольно и снова полез к ней под подол.

– Отстань, – шлепнула она его по рукам. – Я не об этом вовсе.

– А о каком? – Он шутливо оглянулся себе за спину. Ткнул в себя пальцем. – Кроме этого, тут больше никого.

– Вообще-то у меня проблемы, Воинов, – хмуро констатировала она, отогнав его на безопасное расстояние. И вздохнула: – У меня пропала подруга. Поможешь?

– Заменить подругу? Вообще-то я искренне надеялся на куда более серьезную роль. – Он присел на корточки перед ней, положил подбородок на кулак, пристроенный на ее коленке, заулыбался, потянувшись свободной рукой к ее пяткам.

Он не мог сейчас быть серьезным. Не мог спокойно смотреть на ее коленки, торчащие из-под разъезжающегося халата. Не мог сосредоточиться на чем-то еще, кроме Евы, и по-пацански радовался, что, кажется, прощен. Что обиды, кажется, забыты. И стоило ему это единственной царапины под правой лопаткой. Но можно было смело надеяться, что причина тут крылась в другом. Они мало что соображали, едва не разворотив дубовую кровать, надежно прослужившую и простоявшую в этом доме полвека.

– Ты сумасшедший! – первое, что выдохнула она, когда они смогли наконец оторваться друг от друга.

– Ведьма! – прошептал он, закрывая глаза. – Ненормальная... Я тебя обожаю...

И вот теперь эта самая ненормальная девица сидела напротив него в одном халатике – мысль, что он надет на голое тело, не давала ему покоя – и дулась на него.

– Я серьезно говорю, Саша! – повысила голос Ева, перегнулась через него, нашла свои странные тапки, напоминающие короткие валенки, обулась и со вздохом пошла прочь, на ходу ворча: – Время игрищ закончилось, Воинов! Начинается серьезная жизнь, и, возможно, опасная.

– Мне не привыкать, – бубнил он, ступая за ней след в след.

– С Верой что-то стряслось. Я это всеми местами чувствую! – Она шлепнула его по рукам, которые принялись ощупывать всякие разные ее места. – Прекрати! И вообще, оденься. В доме прохладно. А ты ходишь голый.

– Я в трусах, – возразил он, но сев на деревянную скамейку, не подложив себе под зад подушку, тут же пожалел. – Да, не жарко.

– Я обычно его неделю топлю, прежде чем заселиться. Сама у Веры отсиживаюсь, а дом протапливаю. А тут приехала, а ее нет.

– Давай подробнее, хорошо? Только я в самом деле накинута на себя что-нибудь.

Воинов достал из сумки спортивный костюм и тапки. Быстро оделся. Вернулся в кухню и тут же поставил чайник. Вкусный супчик и лимонный пирог были у него будто в прошлой жизни, и он съел бы уже чего-нибудь.

– Я плохая хозяйка! – поспешила она его предупредить, когда он полез в ее холодильник.

– Уже вижу, – констатировал он с шутливым вздохом. – Одни творожки, йогурты, мюсли... Н-да, Ева. Не ждала ты меня, не ждала.

– Ждала, – она неслышно подошла к нему сзади, обняла, уткнувшись носом в расцарапанную лопатку. – Еще как ждала! Правда, не к ужину. Потому что не верила, что увижу!

– Я-то знал, – кивнул Саша, и тут же получил кулаком по царапине. – Я просто не мог отказаться от такой сумасшедшей. Просто не мог забыть. Слушай... А правда говорят, что ты притягиваешь неприятности?

– Кто говорит?

Ева выхватила у него из рук пачку крекеров, которые он достал из своей сумки. Варварски разорвала упаковку, едва не просыпав все на пол. Еле успела удержать в растопыренных ладонях. Принялась хрустеть.

– Белов, – ответил Саша, добавляя к крекеру банку шпрот и палочку одеревеневшей от холода сырокопченной колбасы.

– Ты звонил ему или он тебе? – она возмущенно приоткрыла рот с повисшей на нижней губе крошкой от крекера.

– Я звонил, – Саша смахнул с ее губ крошку, поцеловал.

– Зачем? – она подозрительно прищурилась. – Адрес узнавал?

– Нет. Адрес я узнал и без него. Прямо как вернулся в Челябинск, так тут же все о тебе узнал. – Он легонько щелкнул ее по носу и уточнил: – Все, что мне надо было узнать, узнал.

– Что конкретно?

– Где живешь? Сколько лет? Что не замужем узнал, детей нет. Родителей нет. Бабушка с дедом, которые тебя воспитывали, умерли, оставив тебе в наследство этот дом.

– И это все?

– Остальное неважно. Меня не интересуют твои бывшие, Ева, если ты об этом, – догадался он по ее сведенным к переносице бровям, что ее тревожит. – До меня – хоть потоп. Со мной – все по-честному. Или...

– Или убьешь?! – Она схватила себя руками за горло и начала хрипеть, изображая удушье.

– Нет, просто уйду, – он не принял ее шутки. И кивнул вдогонку своим словам: – Навсегда уйду.

– Ладно, проехали.

Она криво усмехнулась, тут же поняв, что Воинов Александр – это совсем не современный, не отягощенный принципами Серхио, от которого она потеряла голову в Испании. Это стабильный, надежный, как скала, мужик. Где-то чрезвычайно правильный, где-то излишне суровый, не подлый, не гадкий, не скользкий и... не прощающий. Сам не согрешит и никому не спустит.

Он такой ей нужен? Вернее, не так. Правильнее, не о таком ли она всегда мечтала, слоняясь по жизни и миру в поисках вечного счастья?

– Ты, Ева, как тот ослик, что вечно счастья искал, – сетовала не раз Верочка. – А нашел его в своем собственном доме.

Сашка вон тоже ее в собственном доме нашел. Станет ли он для нее счастьем, а? Или так, друг на час? Он, конечно, супер в постели, и еще у него может быть масса достоинств. Испанский вот, к примеру, неплохо знает, сволочь.

– Так что там сплетничал обо мне Белов? – встряхнулась она от досадных думок.

– Ничего, – соврал Саша. – Я сам позвонил ему. Спросил про тебя. Он ответил, что ты ему недавно звонила. Беспокоилась о подруге. Так что там с ней, Ева?

– Верочка... Она... Кажется, она попала в беду, Саш!

Глаза ее тут же снова наполнились слезами, и она расплакалась.

– Ну, ну, чего ты? Чего раньше времени? Еще же ничего не известно.

Он обнял ее, погладил по голове, наслаждаясь ее запахом и близостью. Эгоистично, конечно, но никакие тревожные мысли сейчас его не беспокоили. Никакие! Кроме одной, быть может: он поставил на плиту варить кофе и мог запросто упустить.

– Известно! – Ева выкарабкалась из его рук, кивнула ему за спину. – Следи, а то убежит!

Он успел подхватить турку до того, как пенная кофейная шапка выползла через край. Кивком указал Еве на стол, где уже стояла тарелочка с нарезанной сырокопченной колбасой и распахнутая баночка шпрот.

– Ты давай, присаживайся, перекуси и попутно рассказывай, идет?

Он вдел ее пальчик в ручку чашки, которая первой попала под руку. Всыпал в ладонь колбасных кружочков, глянул строго.

– Ешь!

– Хорошо. – Ева послушно хлебнула, откусила. Забубнила с полным ртом: – Что мне известно, гражданин начальник?

– Что?

Он тоже пил кофе из первой попавшейся чашки, больше напоминавшей пиалу с ручкой. Жевал колбасу, таскал из консервной банки шпроты. Слушал Еву и поражался.

А говорят еще, что красивых и умных не бывает! Логике в суждениях любой из его бывшего отдела позавидовал бы.

– В общем, как я понял, досмотр личных вещей ты провела.

– Дважды! – подняла Ева вверх указательный пальчик, перепачканный жиром от сырокопченой колбасы.

– Вывод сделала. Вывод? Вера куда-то подевалась в том, в чем ушла из дома?

– Да.

– Две недели до твоего приезда она отсутствовала?

– Приблизительно. Это я на основании маркировки на продуктах сделала вывод и по протухшей каше на плите.

– Молодец, – похвалил Саша.

Он задумчиво рассматривал дно кружки со шлепком кофейной гущи, хоть переворачивай и гадать принимайся, куда ее подруга подевалась. Дело могло не стоить выеденного яйца. Это если Вера укатила куда-нибудь с новым ухажером, завербованным в брачном агентстве.

А могло быть и дрянью. Это если Вера влипла в историю.

А на последнее, надейся не надейся, указывает множество фактов. И Ева – умница такая – их безошибочно обнаружила.

Зубная щетка на месте, вещи все на месте, холодильник забит продуктами. С газовой плиты не убрана пища. На Веру – если верить Еве – это вовсе не похоже.

Опять же он мог сделать скидку на романтизм ситуации. На то, что у Верочки случилась забывчивость, сказалось головокружение от успехов. И она могла наплевать на кашу и сосиски, оставленные пропадать дома.

Но деньги! Деньги-то почему все целы на счетах? Она же не могла броситься в объятия вновь обретенного любовника с голым, пардон, задом?! Пару комплектов белья, предметы личной гигиены, в конце концов, она просто обязана была купить. К тому же, ей надо было платить за услуги брачной конторы. А там, по словам Белова, расценки о-го-го какие. И опять же, с его слов, деньги там качали достаточно продолжительное время, прежде чем свести избранников лицом к лицу.

А деньги целы...

– Вот-вот! – подхватила Ева, он, кажется, выпалил последнюю фразу вслух. – Как такое возможно, Саш?

– Поквартирный обход? – напомнил он ей, на чем она остановилась.

– Была у дамы, которая под Верочкой живет. Она тоже подтвердила, что не слышала шагов над головой пару недель.

– Две недели, – он положил две их чайные ложки рядом и посчитал: раз, два. – Это с которого дня отсчет?

– С позавчера. Я тогда вернулась.

– И ее до сих пор нет?

– Нет, – удрученно мотнула она головой. Сунула подбородок в воротник теплого халата, снова всхлипнула. – С ней беда, я это чувствую!

– Телефоны молчат?

– Да, Саша, да! Я же говорила.

– А что соседи по лестничной клетке?

– Там я была, но мне не открыли, – огрызнулась Ева. – Там такая сволота живет! Она меня терпеть не может, и вряд ли бы мне что ответила.

– А мне? Мне, как думаешь, ответит?

– Тебе?

Ева уставилась на него. Тут же вспомнила, каким обманным маневром была вовлечена в его грязную игру в Испании. Свирепо стиснула зубы и не ответила.

Он все тут же понял и повторять вопроса не стал. Не надо будить лихо, пока оно нежно, печально и податливо. Он сходит по адресу ее подруги, с ней или без нее, но сходит. И поговорит с соседями. Ему сегодня как-то вскользь по месту новой службы намекнули, что он может рассчитывать на двухнедельный отпуск для обустройства и решения всяких бытовых вопросов. Он ничего не ответил, решив про себя, что обстоятельства все решат за него. Конечно, главным и самым прекрасным обстоятельством была Ева. Если бы она его не пустила, не простила и погнала прочь, он бы уже завтра с утра маршировал по ступенькам новой конторы. А теперь...

А теперь к самым прекрасным для него обстоятельствам добавились еще и тревожные. Их надо разрулить и не ударить в грязь лицом. Иначе как? Иначе никак нельзя! Эту женщину просто так – красивыми глазами и ласковыми руками – удержать невозможно. Ее завоевывать придется каждый день. И, возможно, сражаться за нее. При наведении справок о Еве Воинов обнаружил частые упоминания о каком-то Гарике, с которым она периодически выезжала за границу. Гарик этот, по паспорту – Игорь Владимирович Семин, сорока лет от роду, был без определенного рода занятий и постоянного места жительства.

Таких бичей Воинов просто ненавидел. И терпеть их даже не старался. Что ты за мужик, если к сорока годам не определился с занятиями и местом проживания? Чем и на что живешь? За чей счет?

Он таких много повидал за время службы. Отвратительных нарядных плейбоев с ленивой грацией бездельников. С постоянной дозой в пластиковых коробочках, кучей банковских карт, непонятно откуда и как пополняющихся. На дорогих тачках. С непременным дежурным набором достоинств, способных сразить женщину наповал.

Приблизительно такого он пас в тот самый момент, когда на него наткнулась Ева. Он бы, может, ей и намекнул как-то, если бы тот чмо не был его коллегой. Теперь, к счастью, бывшим коллегой.

Так вот этот самый Гарик, по паспорту Игорек, очень часто попадал в поле зрения не только Евы, но и правоохранительных органов. Отпускали его, конечно, все чаще за недоказанностью. Но Воинов подозревал, что не только. По всей видимости, Семин этот стучал полиции, пользуясь ответной благосклонностью. И нужен он такой Еве?!

Честно? Когда он ехал сегодня к ней, очень боялся обнаружить тут этого длинноволосого блондина с бледно-голубыми глазами. Не его присутствия боялся, а своей реакции. Мог бы ведь ему и нос точеный сломать запросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.